

Нива

Иллюстрированный
Журнал
литературы
политики и современной жизни.

XIV годъ
№ 38

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимаютъ
ются по 60 коп. (1
Mark. 70 Pfen. для
загран. за строку
нонпарейль (въ 1/4
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромъ
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москву черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской. Петровская Торгов. линія 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иногороднимъ 3 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЪЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особыя приложе-
нія при „Нивѣ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
иног. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

Никодимъ, патріархъ іерусалимскій.

Нареченный патріархъ іерусалимскій Кирь Никодимъ, изображеніемъ коего украшено на этотъ разъ наше изданіе, имѣеть слѣдующій титулъ: „Блаженѣйшій и святѣйшій патріархъ Іерусалима, Святаго Сиона, Сиріи, Аравіи, обѣ-онъ-поль Йордана, Каны Галилейскія и всея Палестины.“

Въ предѣлахъ его духовнаго управлія находятся шесть митрополій: Кесарій палестинской (иначе Филипповой), скиоопольская, итолемайдская, виолеемская, назаретская и акрская (и горы Ливана); семь архіепископій: лідская, газская, юпійская, Петры аравійской, неапольская, севастійская и горы Фавора, и одна епіскопія філадельфійская, подчиненная митрополиту Петры.

Къ числу преимуществъ власти патріарха іерусалимскаго принадлежитъ право рукоположенія архіепископовъ горы Синайской, церкви коей признается автокефальною, т. е. независимою отъ управлія какого-либо патріаршаго престола.

Престолъ Св. града Іерусалима, въ ряду другихъ престоловъ право-

славнаго Востока, занимаетъ четвертое мѣсто.

Права и преимущества патріархіи утверждены за церковью іерусалимскою седьмымъ правиломъ первого вселенскаго собора (никейскаго), „ради спасительныхъ страстей Христовыхъ“. До того времени Іерусалимъ, носившій название Эліи, по имени своего основателя, римскаго императора Элія, Адріана, въ церковномъ управліи былъ подчиненъ митрополиту Кесаріи, который рукополагалъ ему епіскоповъ.

Въ ряду именованій церкви іерусалимской особеннаго вниманія заслуживаетъ имя „Матери церквей“, оправдываемое тѣмъ, что въ Іерусалимѣ совершилось дѣло нашего спасенія и что тамъ основана была первая церковь, отъ которой произошли послѣдовательно всѣ прочія частныя христіанскія церкви.

Нынѣшнее скромное мѣсто, занимаемое іерусалимскимъ патріархомъ въ ряду его сослужителей, объясняется тѣмъ, что правительственные преимущества церковныхъ каѳедръ

Никодимъ, Патріархъ іерусалимскій. Съ фотографіи Ю. Барановскаго.

проистекали преимущественно изъ государственного значенія го-
родовъ.

Современное положеніе церкви іерусалимской бѣдственno. До
нынѣшняго крайнаго разстройства дошла она въ послѣднія де-
сять лѣтъ вслѣдствіе смуты, возникшихъ со временемъ пизвер-
женія покойнаго патріарха Кирилла и не перестающихъ досе-
лѣ. Только въ единогласномъ и единодушномъ избраниі ново-
нареченаго патріарха сказалось какъ будто стремленіе къ
миру и успокоенію возбужденныхъ страстей. Съ другой сторо-
ны, и въ свойствахъ ума и характера нового патріарха мож-
но усматривать вѣрные залоги исправленія того, что еще мож-
но исправить, и во всякомъ случаѣ отвращенія новыхъ нестро-
еній и бѣдъ, которыя, по природѣ своей, могутъ быть отвраще-
ны человѣческими усилиями.

Блаженнѣйшій Никодимъ одаренъ отъ Бога обильными да-
рами (говоря древнерусскимъ языкомъ) „по обоему человѣку“. Высокій и просвѣщенный разумъ, несокрушимая воля, неутом-
имость въ трудахъ, многообразная опытность и замѣчательная
проницательность въ оценкѣ лицъ и событий ставятъ нового
патріарха на высокое мѣсто между современными іерар-
хами Востока, на ряду съ святѣйшимъ патріархомъ Іоаки-
момъ III, украшающимъ собою каѳедру Царя-града. Онъ едва
переступилъ за черту пятидесятилѣтія и находится еще въ пол-
номъ цвѣтѣ силъ и здоровья.

Родомъ блаженнѣйшій Никодимъ изъ Кизика, въ Малой Азіи:
онъ родился въ концѣ 1828 года. Въ 1839 г. поступилъ въ по-
слушники къ блаженнѣйшему патріарху іерусалимскому Аѳанасію III, а 1845 г. къ патріарху Кириллу II; образованіе по-
лучилъ сперва въ іерусалимскомъ богословскомъ училищѣ, а за-
темъ въ константинопольскомъ, что на островѣ Халки; въ
1847 г. былъ рукоположенъ въ санъ іеродіакона, а въ 1856 го-
ду — архидіакона. Въ 1860 г. назначенъ былъ управляющимъ Свя-
то-Гробскими имѣніями въ Бессарабіи, будучи въ санѣ прото-
сингелла; въ томъ же году, по просьбѣ патріарха Кирилла, ру-
коположенъ былъ архіепископомъ кишиневскимъ Антоніемъ,
въ санѣ архимандрита, въ городѣ Кишиневѣ; въ концѣ 1872 г.,
оставивъ Бессарабію, онъ отправился въ Константинополь, въ
то самое время, когда послѣдовало низложеніе патріарха Ки-
рилла съ іерусалимскаго престола. Въ 1873 г., по приглашенію
патріарха Прокопія, назначенъ былъ великимъ драгоманомъ
(представителемъ) и продолжалъ занимать эту должность до из-

брания патріарха Іероѳея. Въ 1876 г. онъ отправился въ Ко-
стянтинополь для примиренія съ Церковью патріарха Кирилла
и имѣлъ утѣшніе достигнуть сей трудной цѣли. Въ 1877 г.
назначенъ настоятелемъ іерусалимскаго въ Москвѣ подворья
и представителемъ іерусалимскаго патріарха въ Россіи. По
окончаніи дѣла Св. Гроба Господня, т. е., по возвращеніи Св.
Гробу кавказскихъ имѣній и доходовъ съ имѣній бессараб-
скихъ, онъ былъ нареченъ въ архіепископы Св. Горы Фа-
вора и, по просьбѣ патріарха Іероѳея, былъ рукоположенъ
Святѣйшимъ Синодомъ въ Исаакіевскомъ Соборѣ въ Петер-
бургѣ.

Присутствовавшіе при этомъ рѣдкомъ и замѣчательномъ цер-
ковномъ торжествѣ, безъ сомнѣнія, удержали въ своей памяти
блестящую рѣчу, которую єаворскій архиепископъ произнесъ въ
отвѣтъ на привѣтствіе нашего владыки, вручившаго ему пастыр-
скій жезль, и въ которой отведено было видное мѣсто воспомина-
нію о подобномъ же духовномъ празднествѣ, бывшемъ въ полу-
винѣ XV в. въ Москвѣ, когда, по соизволенію и просьбѣ тог-
дашняго патріарха іерусалимскаго Іоакима, рукою московска-
го митрополита Феодосія поставленъ былъ въ Кесарію филипп-
ову митрополитъ Іосифъ. Чувства, одушевлявшія новорукопо-
ложенаго архіепископа єаворскаго при воспоминаніи объ
этомъ проявленіи тѣснаго и нерушимаго духовнаго союза
между Москвою и Сіономъ и Православнымъ Востокомъ вооб-
ще, подаютъ намъ твердую надежду, что на престолъ Іакова,
вступаетъ человѣкъ, который ясно сознаетъ и глубоко чув-
ствуетъ высокую цѣну этого Богомъ установленнаго союза и
который всѣ усилия свои направить къ его охраненію отъ по-
сягательствъ разнообразныхъ враговъ и къ возможному его ут-
вержденію.

Избраніе блаженнѣйшаго Никодима на іерусалимскій пре-
столъ совершилось 4 августа.

Въ настоящее время блаженнѣйшій Никодимъ ожидаетъ въ
Москвѣ прибытія лицъ, назначенныхъ отъ іерусалимскаго си-
нода для принесенія ему поздравленій и затѣмъ, въ сопро-
вожденіи сихъ лицъ, пріѣдетъ въ Петербургъ въ началѣ, какъ
мы слышали, сентября и будетъ имѣть пребываніе на Троиц-
комъ подворье, близь Аничкова моста.

Россія давно уже не выдала въ своихъ предѣлахъ православ-
ныхъ патріарховъ, а Петербургъ увидѣть одного изъ нихъ
впервые.

СТАРЫЙ ДОМЪ. (Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XI.

Въ пыли.

Генеральша собралась умирать. Съ ней это случалось
акуратно каждый годъ, только въ различное время.

Она сѣѣздила по обычаю въ Александро-Невскую
Лавру. Вернувшись домой и проходя по параднымъ
комнатамъ, поддерживаемая Пелагеей Петровной, сдѣ-
лала воскресный смотръ воспитанницамъ и прошла къ
себѣ въ темный будуаръ. Тамъ она сняла старомодную,
изумительной формы шляпу съ цѣлой башней изъ перьевъ
и густую вуаль, подъ которой скрывала отъ дневнаго
свѣта, при воскресныхъ выѣздахъ, свое набѣленое и
нарумяненное лицо.

Пелагея Петровна принесла ей кофе. Генеральша
помѣстилась на обложенное подушками кресло, на ко-
торомъ проводила всѣ свои дни въ теченіи болѣе двад-
цати лѣтъ, выпила кофе и потомъ долго, съ какимъ то
особеннымъ любопытствомъ и страхомъ вглядывалась
въ портретъ покойнаго мужа.

Пелагея Петровна, до тонкости изучившая свою бла-
годѣтельницу, тревожно стала слѣдить за нею и не
смѣла нарушить ея размышленій ни однимъ словомъ.

Она только время отъ времени слабо и сдержанно
покашливала. Но вотъ генеральша вздрогнула, отвела
глаза отъ портрета и обратилась къ компаньонкѣ.

— Чтобы дѣвочки не приходили сегодня — не надо!
произнесла она глухимъ голосомъ.

Пелагея Петровна сѣѣжилась, втянула въ себя губки.

заморгала глазами и съ неизбѣжнымъ своимъ присвистомъ шепнула:

— Сейчасъ пойду, скажу имъ...
— Ступайте!
— А мнѣ, ваше превосходительство, прикажете вер-
нуться?

— Возвращайтесь!

Пелагея Петровна скрылась за спущенной портьерой.

Генеральша встала было со своего кресла, но тот-
часъ же съ легкимъ стономъ опять въ него опустилась.
Глаза ея опять невольно будто какая то сила потянула
къ портрету. Но она сдѣлала надъ собою усилие, за-
крыла ихъ и стала креститься.

Въ такомъ положеніи застала ее Пелагея Петровна
неслышно пробравшись въ будуаръ.

— Гм... гм... фю!.. дала знать о своемъ присутствіи
Пелагея Петровна втягивая шею и изображая на лицѣ
что-то до такой степени умилъное и постное, что даже
генеральша, испуганно открывшая глаза, воскликнула:

— Чего это вы, матушка, гrimasничаете?

— Я не гrimasничую, ваше превосходительство,—
вертя головою, сжимаясь и расплываюсь въ сладкую
улыбку отвѣтила компаньонка.

— Пойдите опять туда и скажите, чтобы никто не
входилъ и чтобы гостямъ отказывали. Да распоряди-
тесь — соломы побольше... у оконъ... сколько разъ го-
ворила... набросали кой гдѣ и думаютъ — дѣло сдѣлали...
Слышино все, слышно!.. всю ночь не спала... у самаго
уха такой грохотъ... Они воруютъ солому, больше ни-

чего!.. или растаскиваютъ ее тамъ что ли на улицѣ... На что же сторожа? На что же полиція?! Соломы побольше!.. Ступайте и возвращайтесь...

Пелагея Петровна поспѣшила исполнить приказанія. А когда вернулась, то застала генеральшу сидящую на креслѣ съ трясущеюся головою, со страшнымъ лицомъ и блуждающими глазами.

— Ваше превосходительство! ваше превосходительство, благодѣтельница, что съ вами?!

Компаньонка засуетилась семеня на мѣстѣ ногами и заглядывая въ лицо генеральши.

Та упала на подушки и хриплымъ голосомъ произнесла:

— Умираю!!

— Ахъ, Господи, да что же такое?! Болитъ у васъ что нибудь—скажите, благодѣтельница, я разотру... За докторомъ послать прикажете?

Генеральша разсердилась.

— Не надо! крикнула она.—Развѣ я когда нибудь за докторомъ посылаю!? Развѣ этимъ шарлатанамъ вѣрю?! Они и здороваго человѣка, не то что больного, уморить могутъ!

— Да что у васъ болитъ то?

— Ничего не болитъ! Умираю... поманиль!..

Она глазами указала на портретъ.

— Поманиль!.. протянула она.

— Да можетъ быть это вамъ только такъ почудилось, ваше превосходительство? Это иногда такъ бываетъ... въ глазахъ зарябить... и у и почудится... со мною тоже давеча было...

— Не сердите вы меня, Пелагея Петровна! со стономъ произнесла генеральша.—Мнѣ никогда не чудится... никогда!.. Говорю: поманиль... Сама, своими глазами видѣла... Сижу я и тянуть мои глаза къ портрету, такъ и тянеть... Не могу удержаться... вы вотъ ушли... я взглянула... и вижу... прищуриль глаза, качнуль головою... рука шевельнулась, поднялась и... маниль...

— Да вы не тревожьтесь, благодѣтельница, право почудилось... ужъ повѣрьте мнѣ... какъ это можно... когда же такое бываетъ... И зачѣмъ вамъ умирать, слава Богу, и личко у васъ совсѣмъ какъ есть здорово...

— Нѣтъ, не утѣшайте!.. слабо стонала генеральша.—Уже ночью такія мысли приходить стали... во всю обѣдню о смерти думалось... а какъ пошла на кладбище, помолилась на его могилѣ... потомъ взглянула на свою приготовленную... и такъ это мнѣ живо, живо вдругъ представилось, что скоро въ ней лежать буду... да, буду!.. А тутъ и онъ поманиль... умираю!..

Генеральша закрыла глаза и лежала неподвижно.

Пелагея Петровна незнала, на что теперь рѣшиться, что дѣлать.

Умирала генеральша часто и каждый разъ были повторяя проявленія этого умиранья. Но теперь Пелагея Петровна показалось что-то дѣйствительно не совсѣмъ ладное, такого лица она никогда еще не видѣла у благодѣтельницы, да и „покойникъ“ еще ни разу не маниль ее.

„Чего мудренаго, думала Пелагея Петровна,—можеть и взаимно... часъ пришелъ... человѣкъ старый, хворый, шутка сказать—столько то лѣть лежить на одномъ мѣстѣ, свѣта Божьяго не видить... да, куда вѣдь стара и слаба! Въ чёмъ душа держится... какъ раздѣнется—глядѣть страшно... чего доброго?!!..“

Она склонилась надъ генеральшей.

— Матушка, прошептала она,—чего бы, коли ужъ такъ вамъ, ваше превосходительство, плохо... успокоились бы... батюшку призвать... Святыхъ Тайнъ... авось Богъ дастъ полегчаетъ... я...

Но вдругъ она какъ будто прикусила языкъ и замолчала. Она поняла, что сдѣлала большую глупость.

Генеральша при ея словахъ вскочила, откуда силы явились, съ кресла и вся такъ и затряслась...

— Потомъ... потомъ, успѣю!.. шептала она махая руками и будто отстраняя отъ себя что-то... Я не хочу умирать... не хочу...

Она упала на подушки и закрыла лицо руками.

— Пелагея Петровна! произнесла она черезъ нѣсколько мгновеній, но уже совсѣмъ инымъ тономъ, болѣе спокойнымъ и въ тоже время робкимъ.

— Асињки?! нѣжнымъ голоскомъ отозвалась Пелагея Петровна.

— Да пойдите сюда, положите мнѣ на голову руку, посмотрите—не горяча голова?

Компаньонка, осторожно подобравшись, приложила руку и потомъ отнявъ ее, вдругъ быстро, быстро закрестилась.

— Вотъ вамъ Христосъ, благодѣтельница... ей Богу же... вотъ, вотъ.. ни чуточки не горяча! то есть ни, ни... Да полноте, бриллиантовая вы моя, успокойтесь... бросьте вы эти мысли... таکъ это... притомились... почку плохо посиали... а вы здоровы... Ну вотъ ей-ей здоровы...

— А что, Пелагея Петровна,—только вы по душѣ, напрямикъ мнѣ скажите,—можеть это... можетъ это мнѣ показалось, что онъ кивнулъ и поманиль?

— Да я же говорю, что показалось!..

— Побожитесь!

— Ну вотъ... ей Богу...

И Пелагея Петровна опять закрестилась.

Генеральша глубоко вздохнула съ облегченнымъ сердцемъ. Тоска и ужасъ, выражавшіеся на ея лицѣ, исчезли.

Однако видно какая то новая черная мысль стукнула ей въ голову. Она простонала и опять нѣсколько разъ повторила:

— Умираю... нѣтъ, умираю... умираю...

Пелагея Петровна сдѣлала едва замѣтный нетерпѣливый жестъ; потомъ глазки ея хитро засвѣтились. Она видимо чему то обрадовалась, присѣла на краешекъ кресла и самымъ спокойнымъ голосомъ сказала:

— А я, благодѣтельница, хотѣла доложить вамъ—чудная дѣла у насъ въ домѣ творятся...

— Что такое—говорите! внезапно оживляясь и приподнимаясь съ подушекъ воскликнула генеральша.

— Да что ужъ васъ теперь беспокоить, коли вы такъ нездоровы...

Но генеральша совсѣмъ оживилась.

— Говорите, говорите! видно опять пакости какія? Ну, что же такое?! что такое?

— Да какъ вамъ сказать, благодѣтельница, оно не то что... а ужъ и подумать не знаю какъ... Видите ли, Нина Александровна...

— Нина! опять... мало прошлогодняго!.. упросила дочка... виду я ей не показала... Но говорила вѣдь: еще что нибудь узнаю—не будетъ спуску, не стану держать въ домѣ такую... А коли она ей дороже матери... Ну что жь—пусть вмѣстѣ и уѣзжаютъ... Что она еще надѣлала?

— Да ужъ такое... ужъ такое!..

Пелагея Петровна только разводила руками.

— Такое... кабы не своими глазами видѣла—не повѣрила бы, никому не повѣрила... потому—вѣдь... барышня... къ важнымъ господамъ въ гости ёздятъ... вонъ съ ними и царская фамилія танцуетъ... и вдругъ...

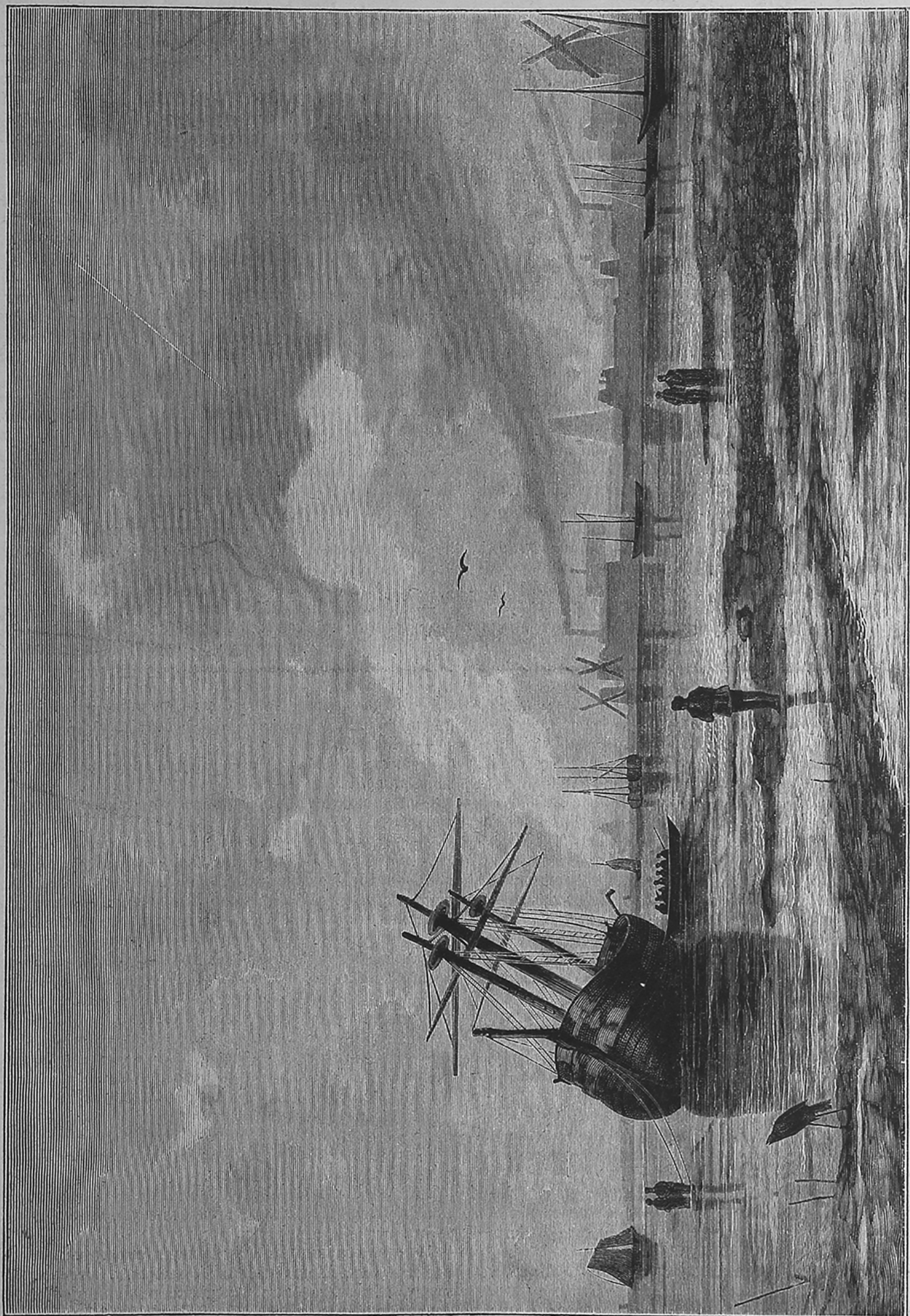
Генеральша вся такъ и насторожилась. Она забыла о всѣхъ своихъ недугахъ, о смерти нѣ было и помину, глаза ея горѣли. Она такъ и вцепилась въ лицо Пелагеи Петровны.

— Ну... ну!?

— Своими глазами, своими съ глазами!.. съ господиномъ Горбатовымъ молодымъ... вчера подъ вечеръ... за руку держать ихъ и бѣгутъ къ себѣ... и заперлись съ

КТО КОГО? Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевский.

Послѣ бури. Съ карт. проф. Боголубова, по фотогр. Вишнякова, грав. М. Рашевскій.

ними у себя... Я къ щелкѣ—тамъ у меня щелка есть такая...

— Ну, знаю... Ну?!

— Цѣловались...

— Чѣмъ вы?!

— Ей Богу... лопнуть на семъ мѣстѣ! Цѣловались, сама видѣла... говорю... да и какъ цѣловались то!..

— Какъ?! какъ?!

— Въ засосъ-съ!! съ азартомъ и вдохновеніемъ отрѣзала Пелагея Петровна.

— Пойдите, позовите княгиню, чтобы сейчасъ, сейчасъ шла... Дома она? Неужто уѣхала?.. недоживу... за нею сейчасъ чтобы...

— Дома-съ княгиня... бѣгу...

Княгиня появилась въ будуарѣ встревоженная.

— Машан, голубушка, что съ вами?!

— Что со мною, ма chere, что со мною... едва жива вотъ... больна совсѣмъ... плохо мнѣ... а вы меня до времени уморить хотите...

— Да что вы.., что вы? Кто васъ огорчаетъ?

— Вы, вы... съ вашей Нинкой! мерзкая она дѣвченка и ничего больше... развратъ въ домѣ... стыдъ... скоро весь Петербургъ говорить будетъ... Ѵздить перестанутъ...

Княгиня всхлипнула.

— Машан, не обижайте Нину... не обижайте!.. Это низкая сплетня... вотъ эта ехидна...

— Ехидна-съ! протянула Пелагея Петровна.— Ваше превосходительство, что же? за что такъ обзываютъ?.. я вамъ служу всей душою... О себѣ забыла...

Она стала всхлипывать, а потомъ, принявъ видъ оскорблѣнного достоинства, вышла изъ комнаты, но остановилась за портьерой, такъ, чтобы не проронить ни одного слова.

Княгиня разгоралась все больше и больше и теперь уже почти кричала:

— Да, ехидна... ехидна, которую вамъ не слѣдуетъ слушать... Ну, говорите, что она еще насплетничала? и я докажу вамъ, что она безсовѣстная лгунья—и ничего больше...

— Какъ же, докажешь!.. Да чего же это ты кричишь-то, сударыня?.. Какъ ты смѣешь кричать на мать... уморить хочешь... надоѣла я вамъ видно! Такъ я вотъ тебѣ скажу мое послѣднее слово... чтобы Нинки въ моемъ домѣ сегодня же не было!.. не хочу держать безпутницу, которая таскаетъ къ себѣ молодыхъ людей и съ пими цѣлуется...

— А... такъ вотъ что!.. перебила княгиня генеральшу... Вотъ что... Успокойтесь, машан, и послушайте... Я виновата, ваша компаніонка не соглашалась...

Пелагея Петровна не выдержала и выскоцила изъ-за портьеры.

— Вотъ видите-съ... а обижаете... бранитесь словами нехорошими, ваше сіятельство!..

— Да вы не торжествуйте! презрительно замѣтила ей княгиня, у насъ съ вами еще разговоръ будетъ... и если я васъ поймаю въ своихъ комнатахъ или коридорахъ за подглядываньемъ или подслушиваньемъ—вы жизни своей не рады будете...

Пелагея Петровна мгновенно скрылась за портьерой. Генеральша изумленно и нетерпѣливо глядѣла на дочь. Она была заинтересована въ высшей степени.

— Ну, ма chere?!

— Нина дѣйствительно вчера затащила къ себѣ одного молодаго человѣка и, вѣроятно, цѣловалась съ нимъ.. Этого молодаго человѣка вы хорошо знаете—это Борисъ Сергеевичъ Горбатовъ...

— Ма chere, ты меня съ ума сведешь... Какъ, ты знаешь... ты покрываешь развратъ?!

— Я ничего не покрываю. Я сама хотѣла сегодня сказать вамъ, что Нина—невѣста... Горбатовъ сдѣлалъ ей предложеніе и она приняла его...

Пелагея Петровна взвизгнула за портьерой. Генеральша развелла руками, да такъ и осталась...

— Что ты сказала? Повтори, я кажется не дослышила... онъ ей предложеніе?..

— Да, что же это васъ такъ удивляетъ?

— Ма chere, ты съ ума сходишь... вѣдь это невозможно...

— Почему же, машан? Почему?! и какъ же это невозможно, когда это уже случилось...

Но генеральша все продолжала разводить руками...

— Горбатовъ! Да вѣдь ты знаешь, какая это древняя, знаменитая фамилія!.. ты знаешь, что его дѣдъ былъ другомъ императора Петра Третьаго, а отецъ его, Сергѣй Борисычъ, хотя и прожилъ всю жизнь въ деревнѣ, а въ молодости, чай помнишь, ма chere, его роля... Какое родство!.. Вотъ и младшій теперь на графинѣ Черновой женился... связи большія... связи... А богатство—куры не клюютъ...

— Я знаю все это, машан, и тѣмъ больше радуюсь за Нину, но еще больше радуюсь тому, что онъ хороший человѣкъ и что они дѣйствительно любятъ другъ друга...

— Но вѣдь Нина... Ну, она... недурна конечно.. Да какъ же она можетъ быть madame Gorbatoff?.. madame Gorbatoff—mais c'est impossible puisqu'elle n'est pas née du tout!!

— Нѣть, матушка, нѣть, никогда не бывать этому!.. Если вы сошли съ ума... родители... родня... родня не допустить... не допустить!..

— Я думаю, машан, что допустить... Но теперь я ничего говорить не буду, я только что собралась Ѵхать къ его матери. Я поѣду, поговорю съ нею и какъ вернусь— тотчасъ же передамъ вамъ все, тогда и увидимъ...

— Поѣзжай, ма chere, поѣзжай, что же, поѣзжай, коли себя не жалѣшь... А я бы на твоемъ мѣстѣ въ такія дѣла не впутывалась... сраму себѣ наживешь только и ничего больше.

— А вотъ мы это увидимъ! До свиданья, машан!!

— До свиданья! Только ты бы поскорѣе и оттуда прямо ко мнѣ, слышишь—прямо ко мнѣ!

— Непремѣнно!

Княгиня вышла. Пелагея Петровна показалась изъ-за портьеры.

— Ну, матушка, что скажете? обратилась къ ней генеральша.

— Да ужъ что тутъ говорить! обиженнымъ присвистомъ отвѣчала Пелагея Петровна.— Вѣдь малый ребёнокъ—и тольѣтъ такой сказкѣ не повѣрить, а княгиня вонъ вѣрить... А вы, ваше превосходительство, хоть убей меня тутъ при васъ—за меня незаступитесь... что же вѣдь это—терплю я, терплю отъ княгинюшки... силушки моей нѣту!.. вѣдь для васъ стараюсь, а то для кого же... Слѣжу, чтобы въ домѣ разныхъ каверзъ и пакостей не было—а за это что вижу?.. Коли ужъ на то пошло, видно мнѣ не житье у васъ...

Она горестно всхлипнула.

— Ужъ отпустите вы меня... не ко двору я здѣсь пришлась, честныхъ-то людей отовсюду, видно, гонятъ... Ну что же, Богъ дастъ—проживу какъ нибудь...

И она опять всхлипнула...

Генеральша нахмурилась.

— Пелагея Петровна, принесите мою шкатулку, что у кровати! проговорила она.

Пелагея Петровна быстро шмыгнула и черезъ нѣсколько секундъ явилась, неся большую, тяжелую шкатулку.

Генеральша вынула изъ кармана связку ключей, перебрала ихъ, нашла маленький ключикъ, отперла шкатулку. Шкатулка была наполнена всякими драгоцѣнными вещами старинной работы. Тутъ были и браслеты, и кольца, и броши, серьги, фермуары.

Генеральша разложила всѣ вещи передъ собою, вы-

брала красивое колечко съ довольно крупнымъ кровя-
наго цвета рубиномъ и подала его Пелагеѣ Петровнѣ.

— Вотъ вамъ! сказала она,—не брюжите вы только,
да не говорите глупостей, вѣдь сами знаете, что вздоръ...
Ну куда вы отъ меня пойдете? гдѣ вамъ такое житѣ
будетъ?..

Пелагеѧ Петровна быстрымъ взглядомъ впилась въ
колечко, чмокнула ручку благодѣтельницы и миткале-
вымъ платочкомъ отерла себѣ глаза.

Генеральша снова уложила всѣ вещи въ шкатулку,
заперла ее и сказала:

— Снесите ее на мѣсто, да позвовите ко мнѣ князя.
Князь Есперь тотчасъ же появился на зовъ се-
стры. Онъ былъ все такой же разфранченый, на-
дущеный; но какъ-то немножко осунулся за послѣднее
время. Онъ убѣдился, что дѣла его совсѣмъ плохи. Ни-
на упорно его избѣгаетъ съ самаго ихъ возвращенія.
Не смотря на всѣ его старанія, онъ не могъ добиться
разговора съ нею tѣte-а-tѣte.

— Mon frère, встрѣтила его генеральша, вы слышали,
что у насъ дѣлается?

— Ничего не слыхалъ, та soeur, тревожно отвѣтилъ
онъ.

— Въ домѣ невѣста.

— Какъ! кто?

— Нина Александровна замужъ выходитъ, да за ко-
го бы вы думали?—за Горбатова! А, какъ вамъ это по-
кажется?!

Князь упалъ въ кресло и не могъ произнести ни
словъ.

А генеральша повторяла:

— А, какъ вамъ это покажется? Ну скажите, скажите?!

— Что же я скажу..., ничего не скажу... черезъ си-
лу, почти какъ въ бреду, шепталъ онъ.

— Да мыслимое ли это дѣло, сударь?! волновалась
генеральша.—Я полагаю, что дочка моя просто съ ума
сошла, коли этому вѣрить. Если бы и хотѣлъ онъ, кто
же ему позволить?! У Горбатовыхъ въ роду еще не бы-
вало такихъ mesalliance'овъ, и они горды и знаютъ се-
бѣ цѣну.

— Вы думаете, та soeur, не допустятъ? Наконецъ
нѣсколько приходя въ себя и ухватываясь за новую
мысль, неприходившую ему еще въ голову, пробормоталъ
князь Есперь.

— Не только думаю,—увѣрена въ этомъ, быть того
не можетъ...

— Ma soeur, я нездоровъ, съ утра голова болитъ...
я пойду къ себѣ, прилягу...

— Я не держу васъ...

Князь Есперь вышелъ изъ темнаго будуара, остал-
новился, схватилъ себя за голову и потомъ кинулся че-
резъ всѣ комнаты на половину княгини. Онъ какъ бе-
зумный ворвался въ гостиную, оглядѣлся, не нашелъ
тамъ Нину. Кинулся въ ея комнаты, застучалъ въ дверь
и отчаяннымъ голосомъ крикнулъ:

— Впустите! впустите!

Дверь была незаперта. Она распахнулась. Нина, за-
слыша его отчаянныи голосъ, выбѣжала къ нему на
встрѣчу.

— Что случилось?! Пожаръ? Что?! Гдѣ горитъ? у
насъ! Или несчастье какое нибудь?.. Ma tante?!

Она не знала, что и подумать.

— Вы замужъ выходите?.. говорите — правда это?..
правда или нѣть? наступалъ онъ на нее съ искажен-
нымъ лицомъ.

Она отстранилась. Она наконецъ поняла въ чемъ дѣ-
ло и успокоилась.

— Да, правда! произнесла она твердымъ голосомъ.

Онъ отшатнулся. Онъ пристально нѣсколько мгнове-
ній глядѣлъ на нее безсмысленными глазами, потомъ
вдругъ его охватило бѣшенство, зубы его скрипнули, онъ
поднялъ руку и погрозилъ ей:

— Клятво преступника! пропилъ онъ.—Ты полу-
чишь должное возмездіе!

Нина вздрогнула невольно. Но это было только мгно-
веніе. Она холодно взглянула на него, повернулась и
прошла въ свою спальню.

Онъ слышалъ, какъ она заперла за собою дверь, какъ
щелкнулъ замокъ. Онъ бросился назадъ. Поднялся къ
себѣ, упалъ на диванъ и долго лежалъ неподвижно.

Въ немъ все кипѣло.

„Нѣтъ, нужно ей отомстить, нужно ее наказать хоро-
шенько!“

„Отняли таки! Отняли!“... вдругъ громко крикнулъ
онъ и заплакалъ.

XII.

Чудеса.

— Пелагеѧ Петровна! Пелагеѧ Петровна! да подите
же поскорѣе, узнайте — вернулась княгиня или нѣть?!

почти поминутно говорила генеральша сгорая нетер-
пѣніемъ.

Наконецъ Пелагеѧ Петровна вернулась и объявила,
что княгиня прїѣхала, прошла прямо къ себѣ, но сказ-
ала ей, что сейчасъ придется и сюда.

— Какова она? Каковъ у нея видъ — вы замѣтили?...

— Ничего, ваше превосходительство, не могла я за-
мѣтъ — на меня не смотрятъ, ровно я отверженная ка-
кая... Скажите, молъ, маменька, что приду сейчасъ — и
ни словечка больше...

— Да вы бы, матушка, какъ нибудь вывѣдали, спро-
сили бы ее хоть что нибудь...

— Нѣтъ-съ, благодѣтельница, я съ ними разговари-
вать теперь никакъ-съ не могу... сами знаете — одна
только обида мнѣ за всю мою вѣрность, и ничего
больше...

— Ахъ, Богъ мой — что-жъ она нѣдетъ?! сѣѣгайт...

Но княгиня въ это время вошла. Генеральша такъ и
уставилась на нее въ полумракѣ.

— Ну что, та ch鑑e, что? Кто правъ?..

— Я права, конечно; вѣдь я знала!..

— Кого же ты видѣла? — самоѣ Горбатову? Съ ней
говорила?

— Да, съ ней говорила. Она очень рада... Она вѣдь
Ниночку уже видала и та ей, оказывается, съ первого
раза понравилась. Чудная женщина Татьяна Владі-
мировна Горбатова, до слезъ она меня тронула. Вотъ
матъ!..

— Хорошая женщина... да, — я ничего противъ нея
не скажу, проговорила генеральша, все еще не будучи
въ силахъ прйтъ въ себя отъ изумленія, — хорошая жен-
щина; только ты, мать моя, всетаки не производи ее въ
святыя... чай знаешь, помнишь... кто безъ грѣха!..

— О чёмъ вы это, татан? съ неудовольствіемъ пер-
ебила княгиня.

— О чёмъ?! сама знаешь... всему свѣту извѣстно съ
кѣмъ она была близка въ молодости...

Княгиня вспыхнула.

— Ахъ! зачѣмъ вы это, татан?! Да и кто же знаетъ...
можетъ все это клевета и сплетни... даже невѣрное
такъ... Я увѣрена, увѣрена что все клевета и сплетни
и ничего между ними не было такого...

Генеральша всполошилась, даже вскочила со своего
кресла, совсѣмъ уже позабывъ всѣ свои недавніе недуги
и ожиданіе смерти. Глаза ея загорѣлись. Она просто
чувствовала себя оскорблennой.

— Чѣмъ ты, что ты? Бога побойся — какъ клевета, какъ
сплетни?! Ну, ужъ это, та ch鑑e, нельзя же такъ, это
ни на что непохоже! всему свѣту извѣстно, а ты вдругъ —
клевета!

— Господи, будто это обида и вамъ и „всему свѣту“,
что я сомнѣваюсь... что я не хочу вѣрить въ существо-
ваніе пятна на этой прекрасной женщинѣ?!

— Да тутъ никакого пятна нѣть; только что было —

то было... и не моги ты, не моги... весь свѣтъ знаетъ!

Княгиня пожала плечами и замолчала. Она поняла, что спорить съ матерью бесполезно.

— Такъ она согласна? возвращаясь къ своему изумлению спросила генеральша.

— Согласна, конечно... Насколько я поняла—Борисъ Сергеевичъ ея любимый сынъ... Впрочемъ обѣ этомъ уже и прежде говорили...

— Какъ же это она? неужъто лучшей партіи сыскать ему не могла?!

— Маман, и Татьяна Владимировна и я, мы находимъ Нину очень хорошей партіей... И пожалуйста больше не будемъ говорить обѣ этомъ. Я знаю доброту вашего сердца и надѣюсь, что и вы отъ души порадуетесь Ниночкому счастью. Видно Богъ милосердый скалился надъ ея сиротской долей...

— Что же я... я очень рада! проговорила генеральша.—Только чудеса, чудеса! Право весь свѣтъ перевернулся! Ну, а Горбатовъ?

— Я его не видѣла. Его дома не было; но Татьяна Владимировна сказала, что онъ уже знаетъ и далъ свое согласіе; онъ можетъ быть сегодня же будетъ у меня съ тѣмъ, чтобы офиціально просить руку Нини.

— Чудеса, чудеса! повторяла генеральша.

— Гдѣ же невѣста? Дай ты мнѣ взглянуть на нее! наконецъ докончила она.

— Да вѣдь она, маман, еще послѣ обѣдни хотѣла къ вамъ идти, только вы распоряженіе сдѣлали чтобы никто васъ не беспокоилъ.

— Да, да... Ну ничего, теперь мнѣ лучше... Позови ее, пусть придетъ... Я ее поздравлю.

Княгиня нѣсколько смущилась. Она знала, что мать ея иногда не особенно любитъ стѣсняться и боялась какъ бы она теперь не наговорила Нинѣ, хотя и ласковымъ тономъ, чего нибудь обиднаго. Но выказать свои опасенія и попросить мать не обижать Нину—она не могла рѣшиться. Старуха разсердится, и, пожалуй, еще хуже выйдетъ.

— Хорошо, маман, сейчасъ позову Нину, только она такъ потрясена... вы знаете ея плохое здоровье...

— Какъ, чай, не быть потрясенной! сказала генеральша.—Этакое счастье привалило! Да ты что же, ты никакъ боишься, что я ее еще больше разстраивать буду? не бойся, матушка, не бойся... говорю тебѣ, вѣдь я рада... что же мнѣ? только все же слѣдовало бы, кажется, со мною заранѣе потолковать, да посовѣтоваться.

— Когда же это было, маман? это и для меня самой неожиданность,—рѣшилась солгать княгиня для того чтобы только успокоить старуху.

Затѣмъ она ушла звать Нину.

Сообщивъ ей желаніе генеральши ее видѣть, княгиня прибавила:

— Ты только, Ниночка, не обращай особенного вниманія если что тебѣ въ ея словахъ не понравится... Она стара, у нея на многое невѣрные взгляды...

— Ея взгляды мнѣ давно извѣстны, отвѣтила Нина,—и обидѣть она меня ничѣмъ не можетъ. Конечно она находится, что я не стою такого жениха?.. Да вѣдь и я нахожу это, я обѣ этомъ много думала и намѣрена сказать это и его матери.

Княгиня пожала плечами.

— Это еще къ чему, что за мысли? Право, если бы я не знала тебя, то могла бы подумать, что ты напускаешь на себя лицемѣрную скромность! А Татьяна Владимировна тебя незнаетъ... вѣдь она такъ, можетъ быть, и подумаетъ! Затѣмъ же это, ты только повредишь себѣ...

— Я буду искренна съ его матерью, иначе съ нею я не должна быть...

Такъ говорили онъ подходя къ темному будуару

Генеральша встрѣтила Нину крайне ласково:

— Поздравляю, матушка, поздравляю, отъ души поздравляю... начала она, когда Нина, по заведенному въ

домѣ обычаю, цѣловала ея руку.—Дай тебѣ Богъ, Ниночка, всего хорошаго... дай тебѣ Богъ!.. Только ты меня, старуху, прости за откровенность, я знаю жизнь и добра тебѣ желаю — ужъ какъ надо теперь тебѣ быть осторожной! Ежели бѣдной дѣвушкѣ такое счастье приходитъ, его надо бережно поднять—не то разобьется... счастье то людское хрупкое... Ты вотъ молода очень, думаешь, чай,—всего теперь достигла, все пришло—а нѣтъ, тутъ то, матушка, только и начинается!.. много трудностей!..

— Я это понимаю, grand'tante!

(Нина уже давно получила именной приказъ называть генеральшу „grand'tante“ и эта милость до сихъ поръ не была у нея отнята).

— Понимаешь, душа моя, ну и прекрасно!.. умница... это честь тебѣ дѣлаеть!.. сказала генеральша.—Теперь не ко времени, да я и нездорова, а вотъ какъ нибудь я призову тебя на досугъ и потолкую... многому могу научить тебя... Пелагея Петровна!..

Распоряженіе относительно гостей, сдѣланное во время умирания генеральши, не было отмѣнено, а потому Пелагея Петровна находилась безсмѣшно въ будуарѣ или за занавѣской. Она появилась тотчасъ же на зовъ.

— Поздравьте невѣstu! сказала генеральша.

Пелагея Петровна бочкомъ пододвинулась къ Нинѣ, стала присѣдать, подбирать губки и присвистнула:

— Поздравляю, Нина Александровна, поздравляю, милая барышня, дай вамъ Господь...

Нина пожала ея холодную, скользкую руку.

Княгиня не удержалась.

— Да вы, почтеннѣйшая, вмѣстѣ съ поздравленіемъ ужъ за одно пообщались бы ей не шпionить за нею, не подсматривать и не подслушивать...

Пелагея Петровна отскочила будто ужаленная.

— Х-ахъ-съ!—что то такое прошипѣла она.—Обижайте, ваше сіятельство, унижайте!.. бѣдного, безпомощнаго человѣка легко обидѣть .. ничего не стоитъ-съ!.. бѣдный человѣкъ все терпѣть долженъ... Да и Господь приказываетъ прощать обиды... А ежели я что видѣла, да ея превосходительству передала—такъ это моя прямая обязанность... Развѣ можно было такое вотъ думать — никакъ-съ невозможно!..

— То-то и есть, что вы только одно дурное думаете, а хорошее вамъ и въ голову никогда не придетъ! прозрительно замѣтила княгиня.

Но генеральша ее перебила:

— Ну полно, перестаньте! Чего тутъ браниться... въ особенности на радостяхъ... Пелагея Петровна, принесите шкатулку...

Пелагея Петровна даже позеленѣла и не смотря на сумракъ, царствовавшій въ комнатѣ, всѣ могли ясно видѣть какъ исказилось лицо ея. Тѣмъ не менѣе она поспѣшно исполнила приказаніе „благодѣтельницы“.

Генеральша опять нашла ключикъ изъ своей связки, отперла шкатулку, опять выложила себѣ на колѣни всѣ заключавшіяся въ ней драгоцѣнности. Она на этотъ разъ выбрала превосходный браслетъ съ „солитеромъ“ чистѣйшей воды, окруженнымъ отборными, одна какъ другая, жемчужинами. Затѣмъ, уложивъ вещи и заперевъ шкатулку, она протянула браслетъ Нинѣ.

— Вотъ тебѣ, Ниночка, отъ меня на память... Дай руку, я тебѣ сама надѣну.

Нина переконфузилась, покраснѣла, неловко поблагодарила.

Зачѣмъ это? ей бы хотѣлось, чтобы не было этого подарка. Но она все же была тронута.

У генеральши теперь сдѣлалось такое доброе, ласковое лицо. Она застегнула браслетъ на руку Нины и въ то же время разматривала и гладила эту руку.

— Хорошенькая у тебя рука, Нина только худа болѣно... Мужья-то худыхъ женъ не любятъ... ты такъ и знай это... Поправляйся, смотри!

Литературный альбомъ. „Сказка о купцѣ Калашниковѣ“, М. Ю. Лермонтова.
Съ картины Н. П. Шаховскаго, по фотогр. Вишнякова, грав. Ю. Барановскій.

Нина незнала что и говорить, ей становилось очень неловко.

А генеральша продолжала:

— Да ты разгляди-ка браслетъ... Ma chère, ты чай его знаешь?— обратилась она къ княгинѣ,— это еще у меня отъ бабушки, отъ княгини досталось... Ну, Ниночка, Господь съ тобою... ступай себѣ, что тебѣ здѣсь дѣлать со мною... Ступай, помечтай... жениха пожди...

Нина съ чувствомъ подѣловала ея руку и вышла.

По ея уходѣ генеральша сказала княгинѣ:

— Ты, ma chère, не въ претензіи, что я этотъ браслетъ Нинѣ подарила?

— Что вы, ташан, Богъ съ вами! Я только за вашу добродуту могу благодарить васъ. Вѣдь кому же бы вы могли дать его если не Нинѣ — мнѣ!.. Такъ я давно вамъ сказала: все мое, все какъ есть, — все рано или поздно а ей же достанется. Merci, ташан, вы меня очень порадовали!..

Вдругъ генеральша протянула руки дочери.

— Пойди ко мнѣ! тихо, тихо проговорила она,— дай

я тебя поцѣлую!.. Вотъ.. ты у меня добрая.. толстушка моя!..

И она гладила своей костлявой, старческой рукой ея толстыхъ, уже кой гдѣ морщинистыхъ щеки. Она гладила и ласкала ее какъ маленькую дѣвочку. А княгиня въ душевномъ порывѣ прижалась къ матери и крѣпко ее подѣловала, незамѣчая, что вымазала себѣ всѣ губы бѣлизнами и румянами.

Долго, много лѣтъ между матерью и дочерью не было ничего подобнаго. А тутъ вдругъ онѣ обѣ чувствовали и понимали свою тѣсную и кровную связь, чувствовали и понимали, что обѣ любятъ другъ друга и что обѣ онѣ—добрья.

Пелагея Петровна выглянула изъ-за занавѣски, по-потомъ опять спряталась и отъ злости до крови почти искасала себѣ губы.

— Вотъ дуры то! вотъ дуры!.. Ну ужъ и дуры же пѣтыя!.. про себя твердила она.— И такимъ то дуринальдамъ и богатство и почетъ... и все на свѣтѣ... а умному человѣку—шишь масляный!..

(До слѣд. №).

ЛОНГОВНИКЪ ИЗЪ ЗОЛОТОНОШИ.

Историческая повѣсть

А. Н. Кирилова.

(Продолженіе).

Когда Ольга стала просить лазутчика, чтобы онъ провелъ ее въ станъ запорожцевъ, тотъ удивился и задумался.

— Хорошо, если это поможетъ, а если они узнаютъ гдѣ мы укрываемся и уничтожать всѣхъ.

— Не беспокойтесь. Я хорошо знаю атамана, онъ не сдѣлаетъ этого ради хоть бы меня.

— Да? проговорилъ лазутчикъ, такъ подозрительно глядя на Ольгу, что та сконфузилась.

— Вы меня поняли не такъ; онъ не сочувствуетъ туркамъ, я это знаю. Вы сами говорили, что онъ не такой свирѣпый, какъ первый.

— Однако... впрочемъ это можно устроить вотъ какъ: напишите къ нему письмо, я передамъ ему его, какъ бы отъ турецкаго начальства.

— А если васъ схватятъ?

— Это ужъ мое дѣло. Вы только напишите, чтобы онъ явился къ вамъ въ определенный часъ одинъ; выбрать мѣсто нужно по дорогѣ въ Мостако, это нужно для того, чтобы онъ могъ сказать въ лагерь, чтоѣдетъ въ турецкій лагерь; наконецъ въ письмѣ вы сдѣлайте такъ, чтобы онъ не подумалъ, что оно подложное и что это ловушка.

Письмо было готово и къ ночи лазутчикъ отправился въ станъ запорожцевъ. Ольга съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта. Цѣлый день она исполняла свою трудную роль сестры милосердія, но исполняла разсѣянно. Перевязки были дѣланы далеко не такъ аккуратно, какъ всегда; состоявшая при ней молодая гречанка, изъ спасшихся на островѣ, только удивлялась ея задумчивости, привыкши въ ней видѣть примѣръ высокаго самоотверженія. Послѣ обѣда Ольга поручила наблюденіе за больными помощницѣ, а сама, выбравъ мѣсто на поворотѣ за скалою, осталась одна, желая хотя нѣсколько успокоить свои черезчуръ взволнованные нервы. Здѣсь ей снова пришло на память все прошлое и безплодность ея энергіи, жертвъ и лишений. Результатомъ всѣхъ ея усилий явилась дѣятельность сидѣлки и утѣшительницы несчастныхъ. Даже въ эти страшныя минуты погибели тысячи народа она могла явиться только въ этой незначительной роли и не въ состояніи была предпринять ничего большаго для спасенія погибающихъ. „Канарисъ что-то задумалъ и выполнить, отмстить за безчинства турокъ; старикъ Бощорисъ хлопочетъ надъ вооруженіемъ легіоновъ и съ оружіемъ въ рукахъ защищаетъ оставшихся въ живыхъ на островѣ; что же вышло на мою долю? Роль простой сидѣлки,— но эту роль могла выполнить всякая. А я бросила все, я принесла въ жертву гетеріи свое положеніе и все, чѣмъ только живеть и дышеть женщина“. Такъ думала Ольга, усталая, убитая горемъ, нравственно разстроенная. Теперь она думала спасти оставшееся населеніе, дѣйствуя на запорожца, она знала, что и у грековъ, и у запорожцевъ, и у турокъ въ такія тяжелыя трагическія минуты состраданію трудно проявиться. Но Ольга думала, что любовь многое можетъ надѣть сердцемъ даже тѣхъ, которые позабыли все святое, потеряли человѣческій образъ. „Если онъ не устоялъ тогда, не устоитъ и теперь“—рѣшила она.

Поздно ночью, по едва замѣтнымъ горнымъ тропинкамъ, Ольгаѣхала на мулѣ на мѣсто назначенаго свиданія. Впереди шелъ лазутчикъ. Онъ зналъ островъ такъ, что могъ обойти

его съ завязанными глазами. Дорога то поднималась въ гору, то опускалась въ ущелья, по которымъ съ шумомъ бѣжали горные ручьи. Какъ ни привыкла Ольга къ сильнымъ ощущеніямъ, въ особенности за послѣдніе дни, но предстоящее свиданіе съ Осипомъ ее волновало. Она его вызывала, она являлась передъ нимъ просительницей—это ее оскорбляло и никакія разсужденія не могли заглушить въ ней непріятнаго ощущенія. Она уже нѣсколько разъ спрашивала проводника, гдѣ назначено мѣсто, нетерпѣніе ея росло; наконецъ около оливковой рощи, на живописномъ зеленомъ плоскогорье, онъ остановился.

— Въ этой рощѣ онъ будетъ дожидаться. Ступайте одни, я здѣсь подожду, сказала онъ тихо.

Роща какъ разъ примыкала къ морскому берегу. Живописнѣе мѣстности трудно было представить. Террасами спускался къ самому морю берегъ, на которомъ возвышались группы грандіознѣйшихъ кедровъ. Море было ясно и гладко, какъ зеркало; блѣдная луна мерцала волшебнымъ свѣтомъ по спокойнымъ водамъ и освѣщала могучія деревья, казавшіяся въ ночи еще выше, еще величественнѣе. Вдали темнымъ силуэтомъ рисовалася малоазіатскій берегъ, а правѣ, бросая длинныя тѣни, рѣзко выдѣляясь на морѣ, красовались грозные корабли турецкой флотилии. Стоявшій впереди адмиральскій корабль былъ весь увѣшанъ флагами и горѣлъ тысячами разноцвѣтныхъ огней, отражавшихся въ морѣ. Это паша давалъ блистательный праздникъ начальникамъ сухопутныхъ войскъ. Корабль былъ ярко освѣщенъ, начиная съ самыхъ мачтъ до палубы. Пиръ былъ въполномъ разгарѣ.

Ольга замѣтила Осипа издали. Онъ стоялъ на берегу неподвижно, прислонясь своимъ стройнымъ станомъ къ стволу кедра. Ольга подошла медленно.

— Это тризна о погибшихъ моихъ несчастныхъ братьяхъ! проговорила она тихо, указывая на огни.

— Здравствуйте, княгиня, отвѣтилъ Осипъ, поклонившись. Вы браните меня?

— Я у васъ въ рукахъ, въ плѣну и пришла просить за себя и за оставшихся въ живыхъ пощады.

— Вы вовсе не въ плѣну у меня, а щадить на островѣ, кажется, ужъ некого...

— Еще осталась горсть несчастныхъ, неистерзанныхъ дикихъ звѣрями...

— Постойте, княгиня, прервала ее съ сердцемъ Осипъ. Это война. Насъ тоже не щадили въ Триполицахъ и въ разныхъ греческихъ городахъ...

— Вы оправдываете это звѣрство, проговорила съ жаромъ Ольга, а я бы хотѣла въ вѣсѣ видѣть воина, а не волка.

— Не сердитесь, княгиня. Такъ дѣло вышло, началъ нерѣшительно, какъ бы оправдываясь, Осипъ. Я тоже человѣкъ подначальный; товарищи мои—удалыя головы и не нѣжничаютъ—правда! Они, не разсуждаютъ, дѣлаютъ что прикажутъ.

— И вы также!

Правду сказать, княгиня, вырвалось у Осипа, не лежить у меня сердце къ такому дѣлу. Воевать—это одно, а бить безоружныхъ—это разбойничье дѣло! Что же мнѣ дѣлать? Мы всѣ подневольные турецкому пашѣ, а я—своему атаману.

— Мне жаль васъ, проговорила, перемѣнивъ тонъ и ласково

Ольга. На васъ сердиться нельзя, ненавидѣть васъ тѣмъ болѣе. Вы добрѣе и лучше, чѣмъ кажется. Помните разговоръ нашъ на кораблѣ?

— Помню, княгиня.

— Вы рѣшились тогда бросить запорожцевъ.

— Правда, я хотѣлъ тогда бросить все, и служить только вамъ одной, моей спасительницѣ, княгиня, но вы не захотѣли тогда.

— Я и тогда васъ не отвергала и теперь не отвергаю, вы навсегда останетесь моимъ лучшимъ другомъ, проговорила Ольга ласковымъ, дрожащимъ голосомъ.

Слова Ольги разбудили дикаря въ Осипѣ. Не помня себя, онъ обхватилъ княгиню и началъ цѣловать ея руки, началъ умолять приказывать ей, что дѣлать, чтобы только она ласково улыбнулась. Ольга сама увлеклась этимъ мощнымъ порывомъ молодаго красавца, но опомнилась и вырвалась отъ него...

— Ну, слушай же мой милый, добрый другъ, обратилась она къ нему взволнованнымъ голосомъ. Ты теперь ихъ начальникъ, ты остаешься на островѣ—съ этой минуты, чтобы не было здѣсь ни одного убито.

— Не будетъ!

— Ты останешься атаманомъ?

— Не знаю. Морозъ тяжело раненъ, онъ на кораблѣ у паши. Запорожкою бригантиною, навѣрно, я буду командовать.

— Оставайся на своемъ мѣстѣ, но умоляю тебя, сражайся только съ вооруженными, не истребляй беззащитныхъ.

— Хорошо, хорошо! отвѣтилъ тяжело дыша Осипъ.

Въ это время со стороны турецкой эскадры послышался страшный взрывъ. Передъ глазами Осипа и Ольги открылась ужасная картина. адмиральскій корабль, на которомъ пирожвалъ паша и гдѣ было болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, взлетѣлъ на воздухъ! Огненный столбъ высоко поднялся вверхъ; не прошло минуты и остатки разлетѣвшагося чудовища тихо погрузились въ море. Все снова покрылось ночною мглою, лишь блѣдная луна, какъ бы провожая своими лучами, слегка освѣщала быстро мчащуюся бригантина, съ которой былъ пущенъ страшный брандеръ.

— Что это? спросилъ встревоженно Осипъ.

— Мщеніе, жестокое, ужасное, отвѣтила нѣсколько фразисто Ольга. Торопясь въ свой лагерь, прощай, можетъ еще увидимся.

Она быстро скрылась въ рощѣ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ее провожатый, уже начинавшій побаиваться за себя, въ особенности послѣ взрыва, значеніе котораго онъ не могъ понять.

Ужасное мщеніе патріотовъ—Константина Канариса и Георгія Пепина удалось и имена ихъ горятъ мрачнымъ огнемъ на страницахъ исторіи Новой Греціи...

Исторія греческаго возстанія полна событий, невольно увлекающихъ мысль въ міръ сверхъестественныхъ событий. Противъ горстки горныхъ жителей и разобщенныхъ островитянъ Эгейскаго моря были выставлены силы турецкихъ войскъ и флота. Борьба неравная, просто невозможна. Нужно замѣтить, что всѣ первыя попытки объединить движение Греціи, разбивались объ интриги и разногласія. Несогласія грековъ доходили до междуусобной войны, а стремлѣнія Дмитрія Ипсиланти, Александра Маврокордато и такихъ крупныхъ волонтеровъ, какъ виртембергскій генералъ Норманъ, учредить какое-нибудь правительство, организовать правильное войско, не привели ни къ чему: не было конца зависти, раздорамъ и спорамъ между различными партіями, не предвидѣлось исхода нескончаемыхъ претензіямъ отдельныхъ старшинъ. И между тѣмъ борьба велась.

Послѣ событий на островѣ Хіосѣ, Ольгѣ пришлось перепрavitься въ Морею. Какъ одной изъ первыхъ предводителей гетеріи, ей слѣдовало занять мѣсто во главѣ установленного въ Аргосѣ национальнаго конгресса; но состоявшееся въ этомъ городѣ собрание забыло и ея услуги, и жертвы, забыло даже о ея существованіи. О конгрессѣ она узнала только высадившись въ маѣ мѣсяцѣ въ Піаду, куда доставила ее бригантина отчаянаго Канариса. Она узнала также, что еще 1-го января про-возглашена была независимость Греціи, что управление страною было вручено директоріи, подъ предсѣдательствомъ ея дяди, князя Александра Маврокордато; что Дмитрій Ипсиланти долженъ былъ отступить на второй планъ, ограничивъ свое значеніе предсѣдательствомъ въ законодательномъ собраніи, которое могло собираться только по прекращеніи военныхъ дѣйствій. Въ Піадѣ ей рассказывали, между прочимъ, о начавшихся раздорахъ между ея дядею и Ипсиланти, а также между старшинами горныхъ округовъ.

Ольга была очень горда. Происходя изъ рода древнихъ князей Греціи, одинъ изъ представителей котораго нынѣ вступилъ въ управление освобождавшеся страною, уже нѣсколько лѣтъ руководя дѣлами гетеріи и выполняя для цѣлей ея самыя трудныя дипломатическія порученія, она въ правѣ была ожидать, что на родной землѣ ее встрѣтятъ хоть съ какимъ нибудь вниманіемъ. Между тѣмъ ее почти выбросили на Морейскій берегъ, такъ какъ Канарисъ не могъ долго оставаться въ Ко-

ринескомъ заливѣ и торопился выйти скорѣе въ свободное море. Ей пришлось пѣшкомъ добраться до маленькаго городка и едва удалось достать себѣ пріютъ у мѣстнаго священника, восьмидесятилѣтнаго старца, принявшаго ее просто какъ несчастную соотечественницу, а не какъ руководительницу и первую патріотку своей родины. Все это жестоко оскорбляло молодую женщину. Она была разстроена физически и нравственно. Все время проводила она въ уединеніи въ небольшомъ садикѣ дома священника и мысли ея носились далеко, далеко. Среди этихъ нескончаемыхъ тяжелыхъ думъ, которымъ не на чёмъ было успокоиться, не разъ всплывалъ въ ея воспоминаніи образъ красиваго казака, и сердце ея билось быстрѣе и легкая краска выступала на лицо. „Да, думала Ольга, онъ былъ бы мой, въ своемъ знамени онъ могъ бы соединить мои заслуги и мою гордость, а теперь я одна, оставленная, униженная!“

Въ Піадѣ Ольга поселилась, сама не зная, когда ей придется отсюда выбраться. Слухи о неудачахъ, постигшихъ грековъ, разстраивали и тревожили ее. Къ осени піадцы узнали, что въ Западной Элладѣ Махмудъ-Паша на голову разбилъ Александра Маврокордато и съ своими полчищами идетъ въ Морею. Жители были въ страхѣ и отчаяніи. Послѣ страшныхъ хіосскихъ сценъ, Ольгу эти разсказы не поражали, она сохранила хладнокровіе, разсудительность и отъ города была выбрана въ число распорядительницъ на случай обороны. Къ счастію бѣда миновала. Полчища Махмуда грозою пронеслись по Беотіи, Аттикѣ и понесли свой разрушительный потокъ въ центръ Пелопонеза, но здѣсь встрѣтили два непобѣдимыхъ препятствія—болѣзни и недостатокъ продовольствія. Греки воспользовались этимъ и когда турецкое войско начало отступать, мелкие отряды kleftovъ вредили ему на каждомъ шагу, вновь отобрали Акрополисъ и Аргосъ и воспользовались громадною добычею убѣгающаго непріятеля.

Такъ тянулось время до новаго 1823 года. Ольга занята была устройствомъ больницъ, поданіемъ помощи несчастнымъ жителямъ изъ окрестностей Піады, наблюдала также за порядкомъ въ городѣ и пріобрѣла въ глазахъ піадцевъ высокій авторитетъ. Старшина предоставилъ ей лучшій домъ въ городѣ, гдѣ она и помѣстилась съ нѣкоторымъ удобствомъ. По минованиіи опасности и съ наступленіемъ весеннихъ дней, она почувствовала себя лучше, стала веселѣе, энергичнѣе, первы ея окрѣпли. Въ это же время насталъ и перерывъ военныхъ дѣйствій. На полуостровѣ водворилось нѣкоторое спокойствіе.

XVIII.

Въ Буджакѣ было большое празднество. Чествовали новаго кошеваго атамана Осипа Михайловича Гладкаго, только что получившаго отъ султана фирмансъ съ утвержденіемъ его въ правахъ двухбунчужнаго паши. На майданѣ шумѣли сѣчевики, толкуя о подвигахъ новаго кошеваго, о богатствахъ, привезенныхъ съ собою запорожцами, награбленныхъ ими въ войнѣ съ греками, жалѣли о погибшихъ товарищахъ. Обѣдня кончилась, начался крестный ходъ, на площади все смолкли, только видно было без счета число обнаженныхъ головъ. Въ середину рады гордо поступью вошелъ Осипъ. Красивое лицо его выражало усталость, озабоченность. Онъ гордо обвелъ глазами толпу и началъ рѣчь: „Братья и друзья товарищи! Долго бились мы, исполняя волю Султана, съ греками, много легло нашихъ въ битвахъ, потеряли мы тамъ и своего батьку—славнаго атамана Мороза. Вернулось наше мало, хотя вернулись мы не съ пустыми руками,—кошевой скарбъ обогатился не малою казною. Война еще не кончилась: гроза идетъ съ юга, ожидается и съ сѣвера. Вы знаете, наше братство не великое. При великой войнѣ наше могутъ стереть съ лица земли. Въ тяжелое время избрали вы меня кошевымъ, страшусь отвѣтственности за васъ передъ Богомъ и передъ совѣстью. Берегите казну, запасайтесь оружиемъ и затѣмъ уже, если довѣрились мнѣ, такъ вѣрьте во всемъ, что я скажу“⁴. Послѣднія слова Осипъ произнесъ, возвысивъ голосъ и поднявъ булаву кверху. Рада заколыхалась, зашумѣла, повсюду слышны были крики: „вѣримъ тебѣ, что скажешь, то и будетъ свято!“

Долго пировала сѣчь, восхваляя новаго кошеваго, далеко за полночь гулялъ Осипъ съ куренными атаманами, вспоминая о прошломъ, гадая о будущемъ.

Осипъ занялъ курень атамана Мороза. По обычаю Запорожья ему пришлось наслѣдовать отъ него все его имущество въполномъ составѣ, въ томъ числѣ и движимость, какая сохранилась въ атаманскомъ куренѣ. Его мало впрочемъ интересовало это наслѣдство. Онъ и безъ того былъ богатъ и безъ того по возвращеніи изъ Греціи на его долю, какъ атамана, выпала такая добыча, которая составляла цѣлое состояніе. Слитки золота и серебра, переплавленные изъ взятыхъ во время разрушенія вѣщій въ братыхъ городахъ Греціи, лежали безъ употребленія. Осипъ и не придавалъ имъ цѣны и не ощущалъ въ нихъ надобности. Кроме того въ кошевой скарбницѣ хранилось у него пять тысячъ червонцевъ. Въ наслѣдствѣ покойнаго Мороза онъ не нуждался и хотѣлъ пожертвовать его въ пользу церкви.

Въ полночь майданъ опустѣлъ, атаманы разѣхались по куренямъ. Долго Осипъ ходилъ въ новомъ своемъ помѣщении, которое уже не представляло той простоты, какая была при Морозѣ. Все въ немъ измѣнилось, все обставлено было пѣкотораго

рода комфортомъ и даже роскошью. Завелась мебель, на стѣнахъ появилась зеркала, картины, по угламъ стояли бронзовыя вещи литаго серебра. Комнаты были устланы дорогими персидскими коврами, на дверяхъ и окнахъ висѣли тяжелыя шелковыя портьеры. Осипъ, весьма быстро усвоивъ себѣ привычки людей иного круга и не стѣсняясь традиціями старого Запорожья, смѣло ввелъ въ свою жизнь эту обстановку. Онъ зналъ, что нѣкоторая роскошь невольно возвышаетъ человѣка въ глазахъ массы и выдѣляетъ изъ толпы. Заведя при своей квартирѣ порядокъ и даже своего рода этикетъ и приемы, онъ этимъ самымъ заставилъ смотрѣть на себя, какъ на нѣчто высшее, и вѣрить въ свой умъ и способность руководить дѣлами коша. Атаманы относились къ нему съ почтеніемъ, казачество даже съ подобострастіемъ. Возвратившися изъ Греціи казаки, видавши, кромѣ боевыхъ кровавыхъ сценъ, и обстановку турецкихъ начальниковъ, сами избаловавшися нѣкоторою роскошью и своеуволіемъ, дѣйствовали на остальную массу казачества уже разлагающими въ этомъ отношеніи образомъ. Строгость нравъ и и црежній аскетизмъ начали падать. Осипъ хорошо видѣлъ, какъ сохранить за Дунаемъ стародавнія начала боеваго подвижничества запорожской сѣчи нельзѧ и властствовать надъ подобного рода военнымъ орденомъ на то уже иначе.

Въ числѣ имущества, оставшагося послѣ Мороза, была небольшая шкатулка чернаго дерева, тщательно запрятанная по покойнымъ въ одномъ изъ потаенныхъ шапокъ, гдѣ хранилось у него самое драгоценное. Осипъ давно хотѣлъ посмотреть эту шкатулку, но не рѣшался, предполагая въ ней какіе-либо сокровища, обѣ которыхъ покойный не хотѣлъ, чтобы кто нибудь зналъ, а потому нарушать ихъ, ему не хотѣлось. Одно время онъ думалъ даже ее сжечь, но рѣшился ее вскрыть уже и потому, что тамъ могли оказаться документы, нужные кошу. Въ шкатулкѣ, къ удивленію Осипа, оказались однѣ бумаги, какія-то грязныя записки и ничего драгоценного. Онъ началъ рассматривать бумаги. Прежде всего попался ему фірма на сultana на званіе кошеваго, патентъ на орденъ Османіе, затѣмъ два древнихъ универсала королей польскихъ запорожскому казачеству. „Всѣ эти документы нужно сдать въ кошевую скарбницу“ подумалъ Осипъ. Онъ хотѣлъ было бросить разсмотрѣніе другихъ бумагъ, какъ замѣтилъ небольшой конвертъ, запечатанный именно печатью Мороза. Осипъ осторожно снялъ печати, вскрылъ конвертъ и вынулъ оттуда старинный документъ, писанный на русскомъ языкѣ. Это было брачное свидѣтельство, выданное отъ краснохижинской приходной церкви, удостовѣряющее о вѣнчаніи казака Андрея Мазурова съ казачкой Агафьей Шилкиной. Осипъ былъ пораженъ. Въ глазахъ у него потемнѣло, онъ никакъ не могъ собрать свои мысли. „Значить Морозъ, отецъ моей Федосы! И я до сихъ поръ не зналъ этого! Старикъ скрывалъ передо мною; скрывалъ потому, что онъ обманулъ кошь, какъ я теперь обманываю, какъ я скрывалъ передъ нимъ, что я мужъ его дочери! Бѣдный старикъ, Царствіе ему Небесное“, проговорилъ Осипъ, набожно крестясь. Онъ началъ припоминать свои отношенія къ покойному, вспоминаль съ какимъ интересомъ онъ распрашивалъ о Мельникахъ и Краснохижинѣ, когда узналъ, что Осипъ изъ тѣхъ мѣстъ; вспомнилъ какъ неожиданно Морозъ приблизилъ его къ себѣ, какъ сдѣлалъ его подручнымъ человѣкомъ, какъ наконецъ помогъ ему достичнуть настоящаго положенія. Осипомъ овладѣло чувство жалости и благодарности къ покойному. Вереницею потянулись воспоминанія о прошломъ, о разставаніи съ женой, о дѣтяхъ, о землякахъ, о родинѣ. „Быть можетъ они тамъ съ голоду умираютъ, подумалъ Осипъ, а я живу здѣсь въ роскоши, въ почетѣ и не имѣю права сказать, что у меня есть жена, дѣти, какъ не смыть этого сдѣлать покойный“. У него блеснула было мысль бросить все и вернуться домой, но здѣсь же ему представилось, что его ожидаетъ на родинѣ тюрьма, строгая кара закона и новое позорное разставаніе съ семьею. Чувство отца заговорило въ немъ съ особою силою. Ему противны показались вся эта роскошь, почести, соединенные съ фальшивымъ положеніемъ и неправдою, которую онъ долженъ будетъ унести съ собою въ могилу, какъ это сдѣлалъ его тестъ. Почти до самого утра Осипъ ходилъ взадъ и впередъ, обдумывая, какъ бы помочь женѣ и свекрови, и дать знать имъ о своемъ существованіи. Ваволнованный и истомленный, онъ бросился на кровать и забылся сномъ лишь тогда, какъ лучи восходящаго солнца ярко освѣтили горницу....

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, наступила лютая зима 1827 года. Вихри и мятли замели низенькие и неуютные курени запорожцевъ. Рыбная ловля пріостановилась, казаки охотились по камышамъ плавней за кабанами и дикими козами, или собирались по вечерамъ на „бесѣдки“, разсказывая про старину, про славные подвиги и дѣла старинной Сѣчи.

Осипъ жилъ очень уединенно. Рѣдко принималъ лишь куреныхъ атамановъ, еще рѣже разговаривалъ съ ними о текущихъ дѣлахъ. По временамъ онъ ѻзилъ въ Бабадагъ, гдѣ узнавалъ отъ мѣстнаго паши о политическихъ новостяхъ. Онъ зналъ, что княжества, по настоянію русскаго правительства, оставлены турецкими войсками, что дѣла Греціи принимаютъ хороший оборотъ, благодаря поддержкѣ со стороны Россіи, Франціи и въ особенности Англіи; что отношенія между Россіею и Турціею крайне напинуты, и вотъ-вотъ можетъ возгорѣться между ними

война. Осипъ хорошо понималъ всю затруднительность положенія коша, если начнется война съ Россіею. Первымъ мѣстомъ боевыхъ схватокъ будутъ ихъ курени, прѣжде прочихъ турецкихъ провинцій бабадагскій пашалыкъ подпадетъ подъ русскую власть. Все это беспокоило нового атамана, вызывало на дѣйствія, требовало рѣшительности, которой, онъ чувствовалъ, у него недоставало. Тоска по семье, по родинѣ, сознаніе безъисходности и фальшивости положенія убивало въ немъ всякую энергію, дѣлало его скрытымъ, сосредоточеннымъ.

Разъ, возвратившись изъ Бабадага и разбирая почту, онъ встрѣтилъ письмо на имя кошеваго атамана, отправленное изъ Яссъ. Письмо, къ удивленію его, было отъ Ольги. Ольга писала, чтобы онъ нашелъ случай непремѣнно повидаться съ нею въ Яссахъ, гдѣ она пробудетъ до первыхъ чиселъ марта. Письмо было короткое, серебреное, дѣловое. Осипъ нѣсколько разъ перечитывалъ его, и какая-то смутная тѣнь легла на душу его. Что связываетъ его съ нею? Во имя чего, княгиня, красавица, знатная дама, такъ долго и такъ упорно помнить обѣ немъ. Вспоминая обѣ ней ранѣе, онъ думалъ, что цѣль ея сношеній съ нимъ было желаніе воспользоваться имъ для дѣла Греціи, но при послѣднемъ свиданіи она объявила, что покидаетъ Грецію, оставляя всѣ дѣла гетеріи и ѻдѣть въ Англію,—значить и этой цѣли не можетъ быть. „Полюбить меня? Ей, барынѣ—я слишкомъ простъ для нея, думалъ Осипъ; развлекаться мною отъ скучи—у неї чай для развлечения найдется много поинтереснѣе менѣ“. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ одолѣвшимъ его въ послѣднее время тоски и горя, онъ хотѣлъ было сжечь это письмо и выкинуть изъ головы всѣ эти глупости съ княгиней; но вспомнилъ, что она теперь въ тѣхъ же Яссахъ, гдѣ спасла ему жизнь, что нельзѧ ли черезъ нее будетъ помочь и семье. „Нѣть, поѣду!“ рѣшилъ онъ.

Взявъ съ собою двухъ вѣстовыхъ запорожцевъ, онъ выѣхалъ по направлению къ плавчеренскому куреню, куда явился въ первый разъ, гдѣ онъ впервые порвалъ всѣ связи съ прошлымъ. А теперь?—теперь его тамъ встрѣтилъ куреной атаманъ съ помпой и почетомъ, устроилъ въ честь его богатое пиршество; на лучшемъ соймѣ, покрытомъ коврами, перевезъ его черезъ Дунай къ Галапу. Но атамана теперь мало интересовали и почетъ, и обстановка его путешествія по мѣстамъ ему подвластнымъ. Мысли его носились далеко, тамъ, въ Малороссіи, гдѣ у близкихъ его, вмѣсто этой роскоши, одни слезы, лишенія, голодъ, холодъ и всякаго рода обиды со стороны сосѣдей.

Въ Галапѣ онъ нанялъ лошадей прямо до Яссъ. Две карузы, каждая запряженная четвернею небольшихъ лошадей, еще до восхода солнца стояли у подъѣзда кафана, гдѣ расположился атаманъ. Февральское утро было восхитительное. Подогрѣтая весеннимъ солнцемъ зелень слегка покрывала землю изумруднымъ, пышнымъ ковромъ, а обнаженная за зиму деревья начинали тутѣть отъ распускающихся почекъ. Воздухъ былъ свѣжъ, чистъ и живителенъ. Въ одну карузу сѣлъ атаманъ, а въ другую помѣстились вѣстовые и багажъ, и кони быстро помчались по гладкой равнинѣ Молдавіи. Чѣмъ далѣе отѣзжалъ онъ отъ береговъ Дуная, тѣмъ становилось ему пріятнѣе, легче, хотя картины, встрѣчавшіяся по дорогѣ, были далеко не радостны. Это было время, когда турецкія войска только что оставили княжества. На каждомъ шагу встрѣчались выжженія селенія, необработанныя поля. Много бояръ было умерщвлено, сельское населеніе пряталось по лѣсамъ и оврагамъ, города брошены были на произволъ янычаръ, грабившихъ, что попало подъ руку.

На главной улицѣ, невдалекѣ отъ собора, выходя однимъ фасадомъ на площадь, стоялъ домъ русскаго консула въ Яссахъ,—Семена Егоровича Лесли. Гостепримство хозяина извѣстно было всякому, пріѣзжавшему въ Яссы изъ Россіи и не разъ имъ пользовались члены нашего дипломатического корпуса во время проѣзда въ Константинополь. Весь нижній этажъ дома, прекрасно меблированный, былъ предназначенъ исключительно для русскихъ чиновниковъ и вообще агентовъ русскаго правительства. Широкая лѣстница, уставленная цвѣтами и вѣнцами въ покой хозяина, раздѣляла этажъ на двѣ половины. Въ одной изъ этихъ квартиръ помѣстилась въ настоящее время, подъ именемъ миссъ Баретонъ, княгиня Ольга.

Для чего пріѣхала она въ Яссы и какое имѣла порученіе—никто не зналъ. Такъ какъ русскій консулъ принялъ ее съ обычнымъ радушіемъ и предложилъ помѣститься въ его домѣ, то догадывались, что вѣроятно миссъ имѣеть какое-либо дипломатическое порученіе отъ англійского и русскаго правительства. Ольга жила въ Яссахъ уже два мѣсяца, принята была въ домѣ господаря, великаго Логофета Молдавіи, Ивана Стурдзы, бывала тамъ довольно часто, но бывала какъ знакомая и официальныхъ отношеній никакихъ съ нимъ не имѣла. Она была одна, съ служанкою англичанкою, высокою блондинкою, которая не говорила ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, а потому добиться отъ нея чего нибудь о жизни ея хозяйки и о томъ, кто у нея бываетъ, было невозможно.

— Сегодня въ два часа у меня будетъ казакъ изъ Турціи, Бетси. Пригласите его прямо въ кабинетъ и никого не принимайте,—приказала Ольга служанкѣ, получивъ увѣдомленіе о пріѣздѣ атамана.

— Yes! проговорила англичанка, никакого не удивляясь приказанию госпожи.

Въ два часа атаманъ вошелъ въ ея кабинетъ. Шитый золотомъ атаманскій красный чекменъ и бѣлый съ мѣховою опушкою кунтушъ чрезвычайношли къ смуглому, прекрасному лицу молодаго атамана. Княгиня сидѣла на софѣ. За это время она очень измѣнилась, похудѣла, большие черные глаза стали еще больше и не блестѣли прежнимъ огнемъ жизни и энергіи. Она была въ черномъ платьѣ, отѣланномъ черными кружевами. Траурный костюмъ еще болѣе придавалъ ей видъ женщины, убитой горемъ, разстроенной житейскими невзгодами и волненіями.

— Здравствуйте, атаманъ, здравствуйте, дорогой другъ, обратилась она оживленно къ Осипу. Какъ я рада васъ видѣть! Какъ рада, что вы исполнили мою просьбу!

— Я обязался исполнить всѣ ваши приказанія, княгиня.

— Обязательства! Развѣ вамъ не хотѣлось повидать старую знакомую? Я обѣ васъ все узнала. Вы вернулись изъ Греціи, васъ выбрали въ кошевые атаманы, вы имѣете фирмъ на званіе двухбунчужного паши, на такое же званіе, какимъ пользуется здѣшній господарь. Онъ этимъ страшно обиженъ и хочетъ хлопотать у силистрійскаго сераскиръ-паши, чтобы его возвели въ сань трехбунчужного паши.

— Я не гордъ, княгиня; могуувѣрить васъ, меня все это мало интересуетъ.

— Отчего же? Вы достигли всего, чего только можетъ достичнуть человѣкъ на землѣ.

— Не въ почестяхъ счастье. Вы знаете, что родины у меня нѣтъ, семьи тоже, живешь для дѣла... или лучше сказать, и самъ не знаешь для чего...

Княгиня слегка вздохнула.

— Я въ такомъ же положеніи. Правда, на родинѣ моей уже развѣвается знамя свободы, правда, дѣло, которое было начато изъ ничего, теперь приходитъ къ концу, но я осталась въ сторонѣ отъ торжества, мимо меня прошла даже простая благодарность соотечественниковъ. Была одна и осталась одна, безъ сочувствія, безъ поддержки, даже безъ состраданія къ себѣ. Я предана была вся дѣлу и убивала въ себѣ личныя страсти и стремленія. Теперь уже поздно... Вы знаете о Наваринѣ? спросила Ольга, желая перемѣнить разговоръ.

— Я давно не былъ въ Бабадагѣ...

— Вы не знаете, въ концѣ сентября, подъ Навариномъ уничтоженъ весь турецкій флотъ, тамъ дѣйствовали соединенные силы Англіи, Франціи и Россіи?

— Когдаѣхалъ, слышалъ я обѣ этомъ. Что теперь будетъ? Я все тревожусь.

— Дѣла Турціи очень плохи, война съ Россіею неизбѣжна. А Греція свободна! Я рада этому, рада за родину и за себя. По крайней мѣрѣ мои труды, если остались незамѣченными, что нибудь значили для благаго конца кровавыхъ усилий.

Восторженная рѣчь Ольги нѣсколько смущила Осипа. Онъ дрался противъ грековъ, они были его врагами. Восторгаться вмѣстѣ съ Ольгою онъ не могъ.

— Развѣ объявлено независимость Греціи? спросилъ онъ недовѣрчиво Ольгу.

— Графъ Каподистрія, любимецъ покойнаго Государя, оставилъ русскую службу и жилъ все время въ Парижѣ, ожидая событий. Наваринская битва открыла карты—дѣло опредѣлилось. Въ прошломъ мѣсяцѣ онъ высадился въ Мореѣ и вступилъ въ управление; страна почти вся свободна отъ турокъ. Дѣло Греціи выиграно!

Ольга говорила это съ увлечениемъ, одушевляясь событиями.

Атаманъ въ это время обдумывалъ свое положеніе и положеніе Запорожья, вполнѣ сознавая справедливость предположенія Ольги о неминуемости войны съ Россіею.

— Что же будетъ съ нами грѣшными? спросилъ наконецъ онъ Ольгу, взглянувъ ей прямо въ глаза, оживленные теперь прежнею энергию и рѣшимостью.

— Отъ васъ, какъ отъ грѣшниковъ, будутъ ожидать раскаянія. Кающійся грѣшникъ дороже двухъ праведниковъ...

— Да насъ и прощать то не за что! Да и что же мы будемъ каяться и опять грѣшить: пойдемъ противъ Султана...

— Какой грѣхъ? Идти противъ врага христіанства! Вотъ, надѣли атаманскій кунтушъ, и заговорили иначе.

— Нѣтъ, нѣтъ, княгиня, я тотъ же, какъ былъ прежде: вашъ рабъ, говорите, приказывайте.

— Слушайте. Я получила отъ русскаго правительства порученіе переговорить съ Молдавскимъ господаремъ и съ вами; склонить васъ на свою сторону и затѣмъ собрать отъ васъ свѣдѣнія о Молдавіи и о бабадагскомъ пашалыкѣ. Что скажете?

— Я не одинъ, княгиня; я не господарь, у меня есть рада, безъ рады я вѣдь ничего не значу, волнуясь, отвѣтилъ атаманъ.

— Раду можно склонить.

— Если все это кругомъ обговорить и tolkъ изъ этого какой будеть...

— Да вѣдь войны съ Россіею не избѣжать.

— Это то вѣрно, да запорожцы не захотятъ Дунай промѣнять на Сибирь...

— О, въ этомъ отношеніи можете успокоить кошъ. Молодой Монархъ Россіи—истинный рыцарь, слово его крѣпко, какъ гранитъ. Онъ проститъ запорожцамъ, на его милость можно

разсчитывать; онъ дастъ вамъ въ своей обширной Имперіи лучшія земли, чѣмъ эти дунайскія болота,—нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Ахъ княгиня! Запорожцевъ уже, случалось, обманывали. Въ послѣдній разъ турецкое правительство обѣщало мнѣ—вотъ мнѣ самому—греческій островъ для запорожцевъ, а когда насъ истребили почти двѣ трети, то и отпустили ни съ чѣмъ.

— Вы, значитъ, не слыхали ничего объ Императорѣ Николаѣ, иначе бы не говорили этого, проговорила та сердито.

— Не сердитесь, княгиня. Я говорю не за себя, а за Сѣчъ. Сѣчевиковъ словами не умаслишь и говорить съ ними не такъ то легко, какъ кажется.

— Не спорю, ихъ нужно приготовить къ этому. Какъ это сдѣлать, вамъ лучше знать. Я могу только посодѣйствовать вамъ войти въ сношеніе съ градоначальникомъ Измаила Тучковымъ. Удостовѣреніе уполномоченного отъ Государя генерала, по всей вѣроятности, будетъ достаточно для вашихъ сѣчевиковъ.

— Это то еще бы. Собственно я, княгиня, быль бы отъ души радъ, если бы Сѣчъ вернулась на родину къ своей матери—церкви православной. Мнѣ всегда наше дѣло не нравилось; да и не я одинъ, многіе изъ товарищества чурались мусульманъ, когда мы были съ ними въ Греціи. Если поможете, княгиня, заручиться согласіемъ генерала и обѣщаніемъ Государя, мы будемъ вамъ даже очень благодарны.

— Что могу все сдѣлать для васъ. Буду писать въ Петербургъ, напишу Тучкову, а вы пока сообщите всѣ свѣдѣнія о бабадагской области. Исполните это порученіе—это будетъзнакомъ того, что съ запорожцами можно войти въ соглашеніе.

— Свѣдѣнія вы получите черезъ три-четыре недѣли. А съ этимъ же посланнымъ сообщите, какъ принято будетъ наше предложеніе и захочетъ ли Государь простить своихъ бывшихъ подданныхъ.

— Прекрасно, проговорила радостно Ольга. Договоръ заключенъ, будемъ же дѣйствовать сообща. Если мнѣ удастся вернуть Запорожье на родину, это будетъ еще одно дѣло, которое нельзя не поставить въ заслугу...

Княгиня была одушевлена и оживлена. Но атаманъ вдругъ задумался—въ немъ видимо происходила какая то борьба, точно онъ не рѣшался что-то сказать.

— Есть, княгиня, у меня просьба. Дѣло пустое, да для меня то оно чрезвычайно важное.

— Очень рада, что у васъ есть просьба, отвѣтила княгиня.

— Извольте... видите ли... Въ Полтавской губерніи, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, въ селѣ Мельникахъ, осталось мое семейство и терпѣть нужду, началъ взволнованнымъ голосомъ Осипъ. Гдѣ я—она не знаетъ и думаетъ, что я погибъ. Помощи ему ждать не откуда. Самъ я не могу послать имъ денегъ. Не потрудитесь ли вы, княгиня, передать имъ черезъ кого-нибудь деньги.

— Съ большимъ удовольствіемъ; только на чье же имя и кому передать ваши деньги?

— Казачкѣ Федосѣвѣ Андреевѣ Гладкой, моей женѣ...

— Вашей женѣ?! Вы женаты? почти вскрикнула княгиня.

— Да, женатъ, княгиня, это мой грѣхъ передъ своими, я обманываю весь кошъ и всѣхъ, кто меня знаетъ, проговорилъ мучаюсь и, потупя голову, атаманъ.

Если бы онъ могъ взглянуть въ это время на собесѣдницу, то увидѣлъ бы, что она поблѣднѣла, какъ полотно. Она подняла на него свои большие, полные глубокаго горя глаза и едва держась на ногахъ, вышла изъ комнаты.

Ей сдѣлалось дурно, она упала безъ чувствъ въ кресла. Бетси подала ей флангонъ со спиртомъ, натерла ей виски. „Ахъ какъ ужасно, какъ тяжело, Бетси, проговорила Ольга, немного оправившись“.

— Что съ вами, миссъ? спросила хладнокровная англичанка.

— Ничего, оставьте меня одну.

Она сама не знала что съ ней. Любила ли она этого человека? Имѣла ли на него какіе нибудь виды? Она сама не знала! Ей было приятно думать, что онъ никому не принадлежитъ. И узнать, что онъ женатъ... Мистически настроенная, она придавала большое значеніе тому, что онъ былъ похожъ на покойнаго ея мужа, что судьба какъ бы нечаянно, но уже пѣсколько разъ сталкивала ее съ нимъ, что наконецъ на Хіосѣ у нея явилось къ нему влеченіе, что-то похожее на любовь. Онъ одинъ и я одна, мечтала Ольга и ожидала, что быть можетъ судьба сведетъ и соединить ихъ вмѣстѣ. Съ большими усилиями она собрала всѣ свѣдѣнія объ Осипѣ, выписала его къ себѣ, выдумала цѣлую исторію, затѣяла цѣлое дѣло о присоединеніи Запорожья къ Россіи и вѣрила, глубоко вѣрила, что все это предопределено свыше. И что же? онъ женатъ! „Я опять одна; у меня послѣ мужа не было и не будетъ никого“, шептала она и вышла къ атаману.

— Извините меня, атаманъ, проговорила она ровнымъ холднымъ тономъ. Мнѣ сдѣлалось немного дурно, я заставила васъ ждать.

— Я слишкомъ долго оставался у васъ...

— Нѣтъ ничего. Нужно же дѣло кончить. Я вашей женѣ охотно передала бы деньги, но на это надо столько времени, что до тѣхъ поръ вы и сами навѣрно получите возможность это сдѣлать. Въ апрѣлѣ по всей вѣроятности начнется война. До этого времени, если вы не передумаете, вы увидитесь съ генераломъ Тучковымъ и черезъ его курьера можете передать что хотите.

— Благодарю васъ на добромъ словѣ. Это еще болѣе подвигъ меня исполнить дѣло.

И они разстались. Атаманъ не замѣтилъ ни разстройства, ни смѣши въ тонѣ Ольги. На другой день рано утромъ онъ уже скакалъ обратно къ Галацу, обдумывая обширный планъ, какъ склонить запорожцевъ къ переходу въ Россію. Планъ, составленный имъ, былъ вѣренъ. Не прошло недѣли по приѣздѣ въ Буджакъ, по куренямъ начали ходить смутные слухи, будто

Какъ уничтожить трихину?

Очеркъ.

Въ послѣднее время трихина обратила на себя общее вниманіе. Частые случаи зараженія ею съ самыми печальными исходами, при усиливающемся потребленіи свиного мяса, — заставили призадуматься надъ способами вѣрнѣшаго умерщвленія паразита. И эта цѣль, къ счастію, можетъ почитаться значительно подвинувшейся впередъ въ настоящее время. Наука оправдала надежды на нее возлагавшіяся.

Возможность отравленія свинымъ мясомъ, вслѣдствіе только гораздо позднѣе открытыхъ въ немъ трихинъ, была известна, конечно, давно. И надо полагать, что, именно на этомъ основаніи, нѣкоторые восточные законодатели, Моисей, Магометъ, запретили употребленіе его въ пищу своимъ послѣдователямъ. Въ данномъ случаѣ, какъ въ установлении обрѣзанія, частыхъ омовеній и пр., они преслѣдовали цѣль гигієническую, предупреждающую заболѣванія. Что-же касается до научного открытия трихины, какъ причины давно известнаго отравленія, то оно сдѣлано совсѣмъ недавно. А именно, въ 1822 году Тидеманъ впервые упоминаетъ о микроскопическихъ мѣшечкахъ въ мускулахъ. Десять лѣтъ спустя, Гильтонъ, наблюдая ихъ, принялъ за маленькую глисту, а Паже одновременно изучилъ природу этихъ существъ. Название же *трихину* (*Trichina spiralis*) придано имъ Овеномъ. Германскимъ ученымъ, Вирхову и Кюхенмайстеру, принадлежитъ, затѣмъ, открытие послѣдовательныхъ превращеній трихины.

Трихина представляетъ собою маленькаго нитеобразнаго червя, свернувшагося вокругъ самого себя и заключенного въ мѣшечкѣ съ двойными стѣнками. Въ такомъ видѣ она располагается въ мускулахъ. Почти невидимая для простаго глаза, она можетъ быть отлично изучаема съ помощью микроскопа. Человѣкъ заражается этимъ паразитомъ черезъ мясо свиньи, а послѣдняго — поѣдая крысъ, мышей, остатки домашнихъ животныхъ.

Коль скоро мясо, зараженное трихиной, попадаетъ въ желудокъ, мѣшечки лопаются отъ дѣйствія пищеварительныхъ соковъ, а черви на свободѣ уже продолжаютъ свое развитіе; бесполые до тѣхъ поръ, они пріобрѣтаютъ характеристическая особенности пола, и размножаются. Каждая самка производить сотни живыхъ зародышей. Послѣдніе прободаютъ стѣнки кишечка и остаются въ ближайшихъ мускулахъ, или уносятся кровянымъ потокомъ сосудовъ, черезъ которые проходятъ въ другія мускульныя волокна. Черезъ мѣсяцъ, зародыши развиваются уже вполнѣ и заключаются въ мѣшечки. Число ихъ измѣнчиво, но можетъ быть иногда чрезвычайно велико. Найдено, что нѣсколько окороковъ могутъ содержать миллионы этихъ существъ...

Само собою разумѣется, что организмъ не можетъ выносить безъ вреда присутствіе въ немъ паразитовъ, и послѣднее скоро обнаруживается известными признаками, зависящими отъ количества поглощенныхъ трихинъ.

Первыми признаками трихиннаго отравленія являются желудочно-кишечная разстройства, принимающія иногда эпидемической характеръ, родъ холеры, отъ которой, въ Гедерслебенѣ, изъ 337 больныхъ умерло однажды 101.

Черезъ недѣлю или двѣ, припадки заболѣванія измѣняются: моментъ, когда зародыши трихины заканчиваютъ свое путешествіе по мускульнымъ тканямъ. Въ это время больные оказываются иногда въ положеніи сильнѣшаго разслабленія, напоминающемъ самую серьезную форму тифозной горячки.

Наконецъ, когда трихина поселяется въ мускулахъ, больные начинаютъ жаловаться на сильныя боли въ членахъ, напоминающія ревматизмъ. Случается, что зараженіе діафрагмы, грудобрюшной преграды, паразитами дѣлаетъ почти невозможнымъ дыханіе... Иногда находили трихинъ свернувшихся спиралью даже въ почти нитеобразныхъ слуховыхъ косточкахъ.

Смерть можетъ послѣдовать во всѣ эти періоды заболѣванія. Чаще-же всего она поражаетъ больнаго во второмъ періодѣ. Что-же касается до выздоровленія, то оно обыкновенно сопровождается сильнѣшими болями и происходитъ гораздо медленнѣе, чѣмъ выздоровленіе послѣ тифа.

Такимъ образомъ, трихина можетъ быть смертельной болѣзнью, и въ сравнительно короткое время, протекшее съ тѣхъ поръ, какъ были изучены свойства ея, жертвы трихиннаго зараженія считаются тысячами... Америка и Германія суть, между прочимъ, классическія страны трихиннаго зараженія, распространяющаяся отсюда и въ мѣста вывоза свиного мяса изъ нихъ. Слѣдовательно, зараженіе трихинами представляетъ собою опасность настолько большую, что устраненіе ея крайне желательно въ интересахъ народнаго здравія.

Какъ-же устраниТЬ трихинное зараженіе свинымъ мясомъ?

Султанъ намѣренъ, по случаю предстоящей войны съ Россіей, переселить запорожскую Сѣчь въ Египетъ, потому что земля, занимаемая Сѣчью, явится первымъ мѣстомъ наступающей войны. Слухи эти росли съ неимовѣрною силою, несмотря на то, что турецкое правительство стремилось убѣдить всѣхъ жителей бадагского пашалыка, что на защиту ихъ будетъ образована шестидесятитысячная армія и что лишь только русскія войска перейдутъ Прутъ, турецкія переправятся черезъ Дунай...

(До слѣд. №).

До сихъ поръ для этой цѣли пользовались тремя средствами — соленіемъ, полнымъ увариваніемъ и микроскопическимъ изслѣдованіемъ свиного мяса.

Однако, эти три способа нужно признать далеко невполнѣ удовлетворительными.

Весьма вѣроятно, что разсолъ дѣйствуетъ гибельнымъ образомъ на трихинъ, — но нужно много времени для полного умерщвленія ихъ такимъ путемъ... Недавно, одинъ ученый, г. Форментъ, доказалъ, что кусокъ мяса, находившійся пятнадцать мѣсяцевъ въ соленомъ разсолѣ, содержалъ еще въ себѣ отлично сохранившихся трихинъ и отъ нихъ произошло зараженіе двухъ бѣлыхъ мышей, которыхъ онъ покормилъ этимъ мясомъ...

Лучшіе результаты даетъ второй способъ. Дѣйствительно, варка убиваетъ трихинъ. Но она должна производиться съ большой тщательностью, должна быть полна, ибо температуры кипѣнія бываетъ недостаточно для умерщвленія трихинъ, находящихся внутри большаго куска мяса. И именно, многочисленные опыты показали, что нужно подвергать окорокъ дѣйствію температуры кипѣнія впродолженіи шести часовъ, для того чтобы температура внутри его достигла приблизительно 60° Р., при которыхъ паразиты погибаютъ отъ жары. Все таки, однако, и полное уваривание свиного мяса не даетъ совершенной безопасности отъ зараженія трихинами.

Можно было надѣяться, что микроскопическое изслѣдованіе обеспечить, по крайней мѣрѣ, безопасность...

Но известно, что можно много разъ изслѣдовать микроскопическимъ путемъ окорокъ, въ которомъ содержится до 50,000 трихинъ, и — не найти ни одной. Это разъ. А во вторыхъ, недостаточно было бы и цѣлой арміи изслѣдователей, для того чтобы надлежащимъ образомъ разсмотреть каждый окорокъ, съ точки зрѣнія содержанія въ немъ трихинъ... Значить, микроскопическое изслѣдованіе далеко не въ состояніи оправдать большихъ надеждъ, возлагавшихся на него?.. Опытъ это и показываетъ. Въ Пруссіи имѣется 18,332 инспекторовъ, изслѣдующихъ свиные окорока специально съ точки зрѣнія трихинъ. Въ 1880 году, по официальнымъ даннымъ, они изслѣдовали 3.342,203 свиныхъ туши, съ помощью микроскопа. Изъ этого числа въ разныхъ мѣстахъ 2,284 признаны зараженными трихиной. Тоже самое доказано, кромѣ того, относительно 3,030 тушъ американскихъ свиней. И несмотря на такое огромное число свиныхъ окороковъ, подвергавшихся микроскопическому изслѣдованію, было наблюдено 200 случаевъ трихиннаго зараженія здѣсь, причемъ пять случаевъ окончились смертью...

И третій способъ оказывается, слѣдовательно, несостоятельнымъ. Остается соединеніе втораго съ третьимъ — полное проваривание мяса подвергавшагося микроскопическому изслѣдованію, какъ наиболѣе предохраняющее отъ зараженія, но — только наиболѣе, не вполнѣ однако...

Людямъ, дорожающимъ своимъ здоровьемъ, пришлось бы, поэтому, послѣдовать примѣру Моисея и Магомета и запретить самимъ себѣ употребленіе въ пищу свиного мяса, еслиъ на выручку не явилась наука и не избавила отъ необходимости дѣлать подобный гигієническій шагъ.

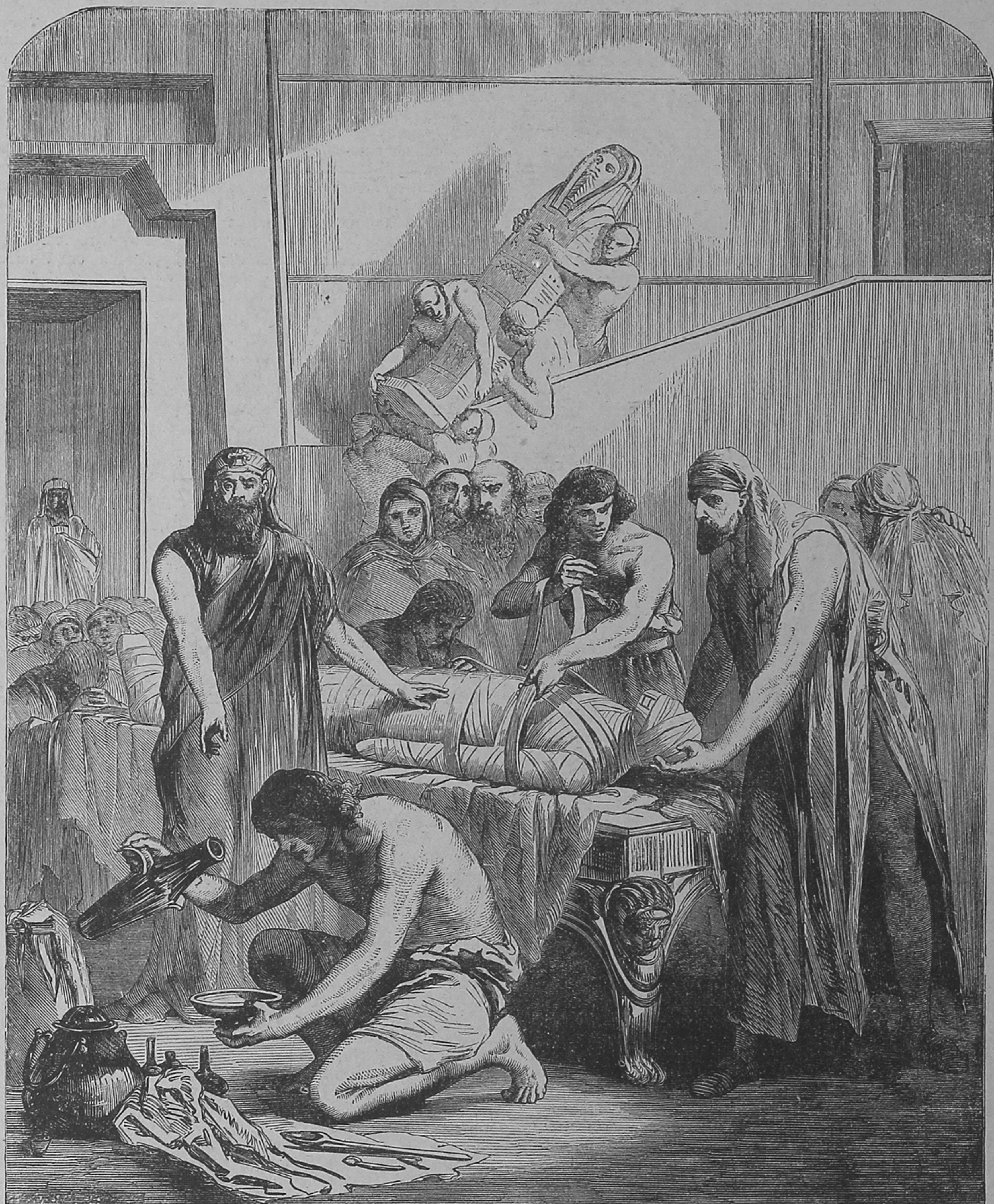
Инженеръ Паула де-Марке открылъ недавно, что трихина быстро умираетъ подъ вліяніемъ температуры отъ —16 до —32° Р., при сухомъ воздухѣ, въ кускѣ зараженного ею мяса. И чѣмъ сильнѣе холодъ, тѣмъ скорѣе погибаетъ паразитъ. Опыты эти были повторены нѣсколькими другими послѣдователями и дали точно такие же результаты. Лучшій способъ открыть — жива или мертвъ трихина, состоитъ въ томъ, что мясо, подвергавшееся вышеупомянутымъ опытамъ, даютъ птицамъ, крысамъ, мышамъ и пр. Мертвая трихина тогда безслѣдно переваривается; живая-же продолжаетъ въ желудкѣ свое развитіе.

Такимъ образомъ, найденъ легкій способъ, предохраняющей отъ страшнаго трихиннаго зараженія. Легкій, вонъпервыхъ, потому что онъ занимаетъ немного времени (приблизительно, около часу при 20° холода и около двѣнадцати часовъ при 0°), а во вторыхъ, потому что средства для полученія надлежащаго охлажденія находятся непосредственно подъ рукой въ зимнее время и безъ большаго труда могутъ быть добываемы лѣтомъ. Новѣшая промышленность предоставляетъ широкую возможность полученія въ короткое время дешевымъ путемъ большаго количества льда и во всякое время. Слѣдовательно, одновременно это и дешевый и вѣрный способъ. Остается пожелать скораго его распространенія.

Атмосферная пыль.

По вычисленіямъ Тиссандье на кубической центиметръ воздуха приходится 23 миллиграмма атмосферной пыли въ сухую погоду и шесть миллигр. въ сырое время. Въ деревняхъ количество пыли меньше: въ первомъ случаѣ оно относится какъ

разующихся отъ пыли. Механически пыль дѣйствуетъ на людей черезъ наши внешніе органы, уши, глаза, легкія и пр. и при извѣстныхъ работахъ способствуетъ заболѣванію. Заразительно пыль дѣйствуетъ образуя заразные маленькие организмы, имѣ-

Бальзамированіе мумій въ древнемъ Египтѣ.

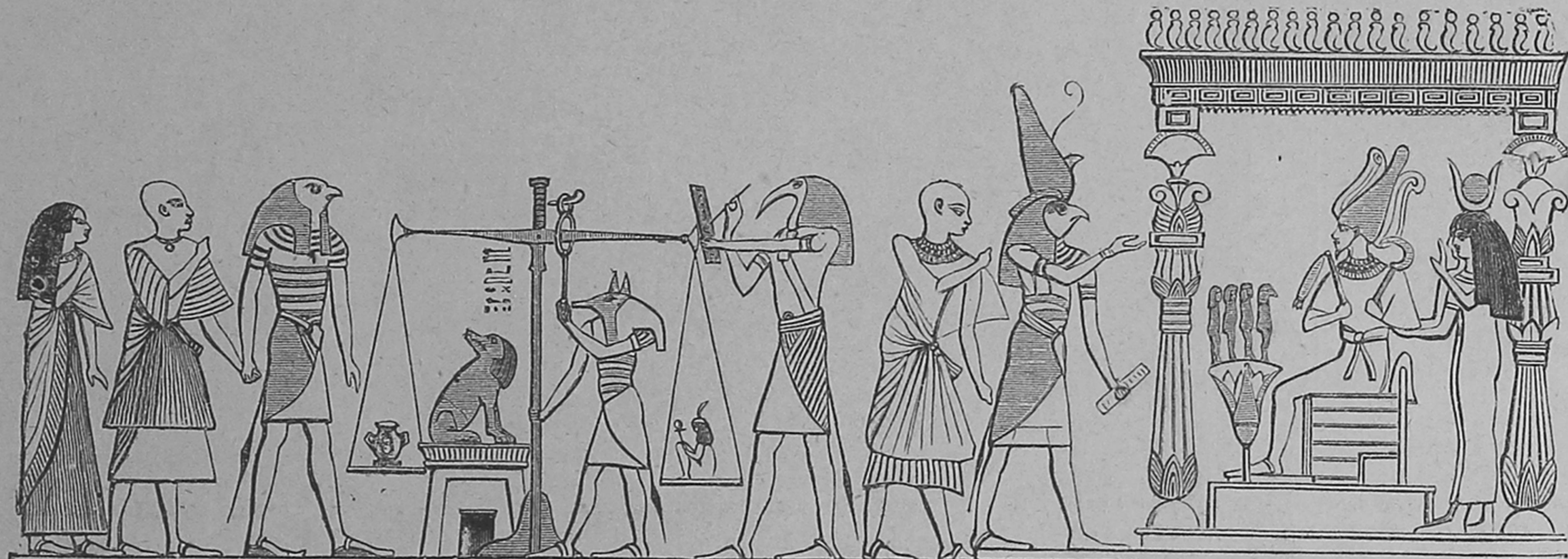
4: 1 и въ послѣднемъ какъ 6: 1. Такимъ образомъ оказывается, что города въ этомъ отношеніи пользуются печальнымъ преимуществомъ и что сырая погода, на которую обыкновенно всѣ нарекаютъ, способствуетъ уменьшению пыли, осаждая ее. Въ этомъ заключается хорошая сторона сырой погоды, такъ какъ пыль, за исключениемъ нѣкоторыхъ явлений въ мірѣ растительномъ, напр. въ процессѣ оплодотворенія, чрезвычайно вредна всѣмъ органическимъ существамъ и въ особенности людямъ. Ростъ растеній также задерживается пылью, накопившейся на нихъ и кромѣ того онѣ заболѣваютъ отъ грибныхъ споръ, об-

ющіе важное местное и эпидемическое влияніе и вызывающіе опредѣленныя формы болѣзней. Ясно, что организмы эти тѣмъ болѣе распространяются, чѣмъ больше количества пыли въ воздухѣ, т. е. во время сухой погоды скорѣе, нежели во время сырой. И такимъ образомъ объясняются всѣ гриппы, бронхиты, пневмоніи, которыхъ свирѣпствуютъ во время прекрасной сухой погоды, когда воздушная пыль очень подвижна. И такъ пыль дѣйствуетъ не только на наружныя явленія окружающаго насъ міра, но она въ сильной мѣрѣ вліяетъ и на нашъ организмъ.

Почти всѣ изъ насъ давно уже сдѣлали открытіе, что воз-

духъ, которымъ мы дышемъ, переполненъ всюду невидимой органической жизнью въ состояніи дремоты, т. е. въ формѣ зародышныхъ клѣточекъ и крошечныхъ яичекъ, и каждая не-вооруженнымъ глазомъ видѣть эти зародыши, носящіеся въ воздухѣ. Вѣроятно многимъ случалось бывать въ темной комнатѣ, куда проникало солнце черезъ вырезку въ ставнѣ. Вмѣсто свѣтища кружка, какой обыкновенно бросаетъ круглое солнце черезъ всякое даже съ углами отверстіе на стѣну или полъ, мы видимъ совершенно освѣщеній лучъ. Но такъ какъ чистый воздухъ не можетъ быть освѣщенъ, то слѣдуетъ заключить, что это маленькая носящія въ воздухѣ частички пыли освѣщаются въ темной комнатѣ солнечный лучъ. Поразительное открытие, что пыль эта, которая отдѣляется изъ спокойного воздуха улицы, состоитъ большою частью изъ легкихъ органическихъ тѣлъ, безъ труда носящихъ въ воздухѣ и меньшою частью изъ мелкихъ минеральныхъ частицъ, сдѣлалъ Тиндалъ во время своихъ любопытныхъ опытовъ надъ силугою лучистаго свѣта, занимаясь установлениемъ химическихъ соединеній не-видимыхъ газовъ для получения цвѣтныхъ видимыхъ облаковъ. Для предохраненія отъ пыли своихъ стеклянныхъ трубъ, освѣщаемыхъ электрическимъ свѣтомъ, онъ пропускалъ входящій туда воздухъ и газы черезъ стеклянныя трубы, наполненные толченымъ стекломъ и увлажненными частию сѣрной кислотой и частию щелочами. Но онъ сильно ошибся въ своемъ

ленькій одноклѣтчатый красный грибокъ (*Protococcus nivalis*), который зачастую въ одну ночь окрашиваетъ въ красный цвѣтъ большія пространства снѣга. Это происходитъ отъ развитія въ каждой зреющей клѣточкѣ массы молодыхъ клѣточекъ, которыхъ, освободившихъ изъ материнской клѣточки, быстро растутъ и повторяютъ тотъ же процессъ. Тоже самое происходитъ и у многихъ родственныхъ имъ грибковъ, которые необыкновенно скоро превращаютъ цвѣтъ воды въ прудахъ въ темнозеленый. Точно также быстро размножаются *Desmidiaeae*, которые часто окрашиваютъ даже воду, а у *Diatomaceae*, которые такъ малы, что ихъ требуются миллионы для наполненія одного кубического дюйма и которые тѣмъ не менѣе, накапливаясь на днѣ морскомъ, вызываютъ тамъ постоянныя измѣненія; размноженіе посредствомъ раздѣленія составляетъ нечто необыкновенное. Какъ только одна частичка раздѣлится на двое, каждая изъ половинокъ продолжаетъ актъ отдѣленія, такъ что по приблизительному вычислению профессора Шмита, наблюдая этотъ процессъ на одномъ экземплярѣ, черезъ мѣсяцъ получится 1000 миллионовъ потомства одной частички этого грибка. *Sarcina ventriculi* — чужеядное растеніе, живущее въ желудкѣ и множающееся необыкновенно быстро, представляетъ также примѣръ самопроизвольнаго дѣленія цвѣтой массы грибковъ. Тоже явленіе повторяется у *Gonium pectorale*, у которого каждая клѣточка извѣстной кисти грибковъ распускается сама собою во

Судъ надъ умершими. Съ древне-египетской картины.

предположеніи, надѣясь этой мѣрой задержать и разрушить всѣ органическія и неорганическія частицы воздуха. Первый лучъ свѣта, направленный на трубы, освѣщалъ такъ ясно за-ключавшійся въ нихъ воздухъ, что Тиндалъ долженъ былъ предположить, что въ немъ содержится такое же количество мелкихъ твердыхъ тѣлъ, сколько въ немъ было до его очищенія. Тогда онъ вспускалъ въ трубку пламя водорода, которое производитъ невидимый водяной газъ и не даетъ дыма. Между тѣмъ онъ увидѣлъ облако дыма, что еще разъ доказало, что воздухъ, не смотря на прохожденіе черезъ концентрированную сѣрную кислоту, все же удержалъ горючія органическія частицы. Оказалось, что Тиндалъ не иначе могъ очистить воздухъ отъ пыли, какъ пропуская его черезъ пламя или черезъ пакаленные металлическія трубы.

Эта дремлющая жизнь воздуха во время своего пробуждѣнія соетавляетъ одинъ изъ лучшихъ союзниковъ разрушающаго принципа въ природѣ. Всѣ явленія, которыя распространяются при помощи зараженія или перенесенія, какъ то: броженіе, образование плесени, гниеніе, иѣкоторыя новальныя болѣзни и пр. поражаются живыми растеніями или животными низшихъ видовъ, сѣмянныя клѣточки которыхъ такъ повсемѣстно разносятся воздухомъ, что онъ находится почти всюду, гдѣ только извѣстный организмъ встрѣчаетъ благопріятныя условія для своего развитія.

И организмы эти множатся съ неимовѣрною быстротою. Дрожжевой грибъ въ иѣсколько часовъ можетъ покрыть большую массу жидкаго солода. На высотѣ Альпийскихъ глетчировъ, на вѣчно ледяныхъ местностяхъ полюса появляется ма-

вторичную кисть, а эти вторичные кисти снова отдѣляются. Такимъ образомъ при благопріятныхъ условіяхъ одинъ молодой гоніумъ на второй день своего дѣленія даетъ 16; на третій 256 на четвертый 4096 и въ концѣ недѣлѣ 268.435.456 новыхъ, подобныхъ себѣ организмовъ. Еслибы весь приплодъ одного *Ragamaesium* жилъ и размножался безпрепятственно, то, какъ утверждаютъ, одна особь этого рода виродолженіи мѣсяца дала бы 268 миллионовъ штукъ. Другой родъ этихъ маленькихъ животныхъ, видимый только при очень сильномъ увеличеніи, въ четыре дня можетъ произвести 170 більоновъ себѣ подобныхъ. Эта громадная способность размноженія сопровождается такой необыкновенной малостью размѣровъ, что въ одной каплѣ воды можетъ заключаться столько извѣстныхъ особей, сколько всѣхъ людей на земномъ шарѣ.

Другіе роды растеній и животныхъ множатся также скоро, въ особенности тѣ, которыя производятъ заразительныя накожные болѣзни, что неоднократно наблюдалось на людяхъ, животныхъ и растеніяхъ. Ржавчина на хлѣбѣ, болѣзнь картофеля, плѣсень винограда — все это болѣзни причиняемы грибками, сѣмена которыхъ носятся въ воздухѣ и вѣтромъ могутъ быть гонимы очень далеко.

Какъ же должно предохранять себя отъ вреднаго вліянія пыли, животныхъ и растеній? Правильная дезинфекція, ассептизація подпочвы жилыхъ мѣсть, быстрое и цѣлесообразное устраненіе нечистотъ, охранность на улицахъ, во дворахъ и домахъ и здоровая вода для питья, только отчасти устраняютъ опасность, но въ воздухѣ все еще достаточно остается вредной пыли. Надо идти въ деревни, на дачи.

Къ рисункамъ.

„Кто—кого?“

(Рис. на стр. 900).

Широкимъ просторомъ разлеглась безконечная, ровная степь.

Вѣкамъ носились по ней только вѣтры буйные, подхватывая и мча косматые клубы „перекати-поля“... Длинными верени-

цами, съ тихимъ звопомъ, медленно тянулись караваны вьючные, кочевые и торговые, съ гикомъ и поевистомъ сновали полудикие всадники въ шапкахъ островерхихъ, въ халатахъ ярко-цвѣтныхъ... и ни одно колесо телѣжное не рѣзalo пока, въ тучной, степной почвѣ, глубокаго слѣда.

И проходили такъ дни за днами, года за годами... за вѣками—вѣка.

Пришли въ эту степь иные люди,—иную, новую жизнь привнесли съ собою.

Привезли эти люди съ собою возы и телѣги,—широкія, торные дороги въ степи проложили... Съ далекаго сѣвера на полдень—дикую, вольную степь перепоясали... и опять долго, десятки лѣт затянулось новое „колесное положеніе“—попривыкъ къ нему степной кочевой человѣкъ, приглядѣлся, самъ приладился... А теперь, вишь ты, опять новый народъ понадѣхалъ—этотъ уже неспроста пожаловалъ, этотъ приволокъ сюда дивное, невиданное и неслыханное. Навезли желѣза видимо невидимо, уложили рядами длинныя, звенящія полосы, скрѣпили, наладили, столбовъ понастали, проволоками тѣ столбы опутали и покатились по тѣмъ полосамъ, съ грохотомъ, свистомъ и звономъ цѣлые дома-караваны, а потащили эти караваны чудные кони безъ устали...

Глаза у этихъ коней, что огни костровъ, хвости и гривы далеко по вѣтру дымными лентами стелятся... И не подъ силу съ тѣми конями желѣзными степному коню потягаться...

„Не рвись, степнякъ! И себя и коня своего лоскомъ уложиши... Брось.. Не угоняешься!..“

Послѣ бури.

(Рис. на стр. 901).

Расходившіяся волны успокаиваются. Мгла еще застилаетъ даль, синія тучи еще тяжело ходятъ по небу. Пахнетъ дождемъ и сыростью, вдали поблескиваютъ зарницы, а по плоскому берегу, какъ говорить поэты

лижутъ камни
Успокоенные волны...
Лижутъ нехотя, угрюмо,
Пѣнясь въ воздухѣ стенившемъ,
Точно все забыть не могутъ
Расгри еъ вѣтромъ усмирѣвшимъ...

Этотъ померкнувшій, еще не просвѣтѣвшій, тяжелый воздухъ, эти еще неуспокоившіеся волны и несущіеся облака—прекрасно изображены даровитымъ художникомъ. Птицы, еще тревожно крича, носятся надъ моремъ, у берега, накренившись, качается поврежденное бурею судно, къ которому на помощь подплываетъ лодка съ рабочими...

Пѣсня про купца Калашникова. Лермонтова.

(Рис. на стр. 905).

Это произведение нашего знаменитаго поэта, носящее довольно длинное заглавіе „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова“, конечно известно каждому грамотному русскому. Здѣсь при древне-русскомъ пѣсенномъ складѣ поражаетъ читателя не только форма, но и самый старинный характеръ рассказа—рассказа увлекательного и высоко драматического. Въ великолѣпныхъ, роскошныхъ картинахъ проходитъ здѣсь наша глубокая старина, такъ живо, такъ рельефно, какъ будто вы сами участвуete на этомъ пирѣ грознаго царя, угощающаго опричниковъ, на широкой аренѣ кулачного боя или на площади—мѣстѣ жестокой казни. Какою образностью и страстью дышеть разсказъ царю удалаго опричника Кирилѣвича обѣ его любви къ Алѣнѣ Дмитріевнѣ—женѣ купца Калашникова.

На святой Руси, нашей матушкѣ
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно будто лебедушка
Смотрѣть сладко какъ голубушка.

Говорить онъ, очарованный своею страстью, и вслѣдъ за этимъ признаниемъ, увлекшійся своимъ преступнымъ чувствомъ, рѣшается насилино поцѣловать красавицу, среди бѣлаго дня, при всемъ честномъ пародѣ. То было страшное безчестье для нашей древней замужней женщины, и потому купецъ Калашниковъ рѣшается на кровавое мщеніе; убиваетъ Кирилѣвича въ кулачномъ бою и самъ слагаетъ свою голову на плахѣ. Картина нашего художника изображаетъ ту сцену, когда Кирилѣвичъ насилино, среди улицы, цѣлюетъ жену купца Калашникова, т. е. ту сцену, которую она сама расказываетъ мужу.

„И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня...
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянныя.....
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись на насъ пальцемъ показывали“.

Проклятие пѣвца. Баллада Уланда.

(Рис. на стр. 908).

Сюжетъ для своей баллады, Уландъ, по обычаю романтиковъ, заимствовалъ изъ грозной эпохи среднихъ вѣковъ. У него эта эпоха является всего чаще не въ настоящемъ цвѣтѣ, а въ преувеличенно грубыхъ образахъ, въ картинахъ, где ярко просвѣчиваетъ жестокость и дикость средневѣковыхъ нравовъ. Этимъ же безотраднымъ колоритомъ отличается и баллада „Проклятие пѣвца“. Въ ней поэтъ переносить насъ въ мрачный, приморскій замокъ гордаго и жестокаго барона.

Тамъ старецъ жилъ надменный, окрестныхъ странъ властитель, Гроза своихъ сосѣдей и данниковъ губитель.

Въ немъ ужасъ—каждый помыслъ и яростъ—каждый взоръ Терзанье—каждый взглядъ, кровь—каждый приговоръ.

Вотъ ко двору его являются два странствующіе пѣвца—старикъ и юноша—чтобы силою своихъ чудныхъ, вѣщихъ пѣсенъ внести лучъ свѣта въ мрачную душу суроваго барона. Они поютъ о Богѣ и будущей жизни, о любви и человѣчности; поютъ про все, что возвышаетъ умъ и чувство; про все то, что давно опостило и сдѣжалось ненавистнымъ надменному старцу. Чудная пѣсни производятъ на него совсѣмъ не то благотворное, чарующее дѣйствіе какъ па окружающихъ его придворныхъ и на его собственную семью. Всѣ тронуты, баронесса бросаетъ цвѣтокъ юношѣ-пѣвцу.

Народъ мой и супругу вы обольстить хотѣли!

Суровый старецъ вскрикнулъ и съ дикой дрожью въ тѣлѣ
Въ грудь скальда молодаго метнуль своимъ копьемъ...

Изъ сердца, вмѣсто пѣсень, кровь брызнула ключемъ.

Старому скальду приходилось скорѣе бѣжать изъ замка; за-вернувъ въ плащъ трупъ своего юнаго друга онъ выѣзжаетъ изъ замка и разбивъ свою лиру о мраморныя стѣны гордаго зданія, оглашаетъ воздухъ вѣщимъ проклятиемъ:

Будь проклятъ гордый замокъ! въ твоихъ стѣнахъ надменныхъ
Цусть смолкнуть звуки лиры и пѣсень вдохновенныхъ,
Стань дикою пустыней, изсохни, пропади,

Какъ этотъ трупъ, лежащий на старческой груди!..

Группа изображаетъ именно этотъ моментъ проклятія... И проклятие пѣвца исполнилось; гордый и роскошный прежде замокъ приходитъ въ упадокъ и запустѣніе; имя жестокаго и надменного барона давно забыто потомками, а гдѣ раскидывались нѣкогда очаровательные сады,—широко растянулась нѣмая, безплодная пустыня.

Графъ Габсбургскій. Баллада Шиллера.

(Рис. на стр. 909).

Содержаніе извѣстнаго стихотворенія великаго германскаго поэта „Графъ Габсбургскій“ (превосходно переведеннаго нашимъ поэтомъ Жуковскимъ) основано на одномъ дѣйствительномъ трогательномъ религіозномъ обрядѣ католическаго міра. На западѣ и югѣ Европы часто встрѣчаешь по дорогѣ священника, несущаго Св. Дары, предшествуемаго мальчикомъ, громко возвѣщающимъ колокольчикомъ каждому прохожему, что передъ нимъ совершается великое таинство. Однажды, разсказываетъ Шиллеръ, графъ Габсбургскій охотился и гнался за серной; вдругъ онъ слышитъ звонъ колокольчика.

Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонить
И слѣдомъ священникъ съ Дарами,
И набожный графъ, умиленный душой,
Колѣна свои преклоняетъ
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ Тѣмъ, Кто живить и спасаетъ.

Священникъ спѣшилъ съ Св. Дарами къ умирающему бѣдняку и вѣрилъ своему высокому долгу, готовъ былъ уже босикомъ перейти черезъ шумящій и бурный ручей, чтобы только не потерять драгоценнаго времени; графъ Габсбургскій уступаетъ ему коня и самъ сажаетъ его, поддерживая ему стремя. На другой день съ разсвѣтомъ священникъ приводитъ коня обратно къ графу, но послѣдній не хочетъ уже принять своего дара.

Дерзну ли, помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавой служилъ,
Спасителю, Богу служивши?
Когда ты отецъ не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянѣ—
Всѣ блага земныя и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принести
И силу и мысль и дыханье.

Графъ былъ впослѣдствіи избранъ императоромъ подъ именемъ Рудольфа, а во время торжественнаго пира въ Ахенѣ, къ нему явился вѣнцій пѣвецъ, который передъ лицемъ всѣхъ вѣльмож въ высоко поэтическомъ разсказѣ напоминаетъ графу объ его встрѣчѣ съ Св. Дарами. Въ лицѣ этого пѣвца, императоръ узнаетъ того священника, которому онъ когда то уступилъ своего коня.

Онъ пастыря видѣть въ пѣвца предъ собой
И слезы свои отъ толпы золотой
Порфирий закрылъ въ умиленьи.
Все смолкло. На кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣніе.

Бальзамированіе труповъ въ Египтѣ.

(Рис. на стр. 913 и 914).

Древніе египтяне еще за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. были народомъ уже высококультурнымъ. Какъ извѣстно, они бальзамировали своихъ умершихъ. Обычай этотъ отчасти объясняется желаніемъ долѣе сохранить образъ дорогаго для себя человѣка. Но главнымъ образомъ бальзамированіе установилось потому,

вещество это было открыто химическим путем и стало добываться искусственно. Салициловая кислота теперь занимает между медикаментами одно из первых мест.

Наивная просьба. Это было во время междуусобной войны в Америке. Провинт-майстер северной армии, находясь в тылу со своим транспортом, встретил на берегу р. Потомака бедно одетую и полуголодную девушку-негритянку. Она слезно молила его взять ее с собой „up north“ (на север). Вскоре после того какъ возгорѣла война, она бѣжала отъ своего хозяина-плантатора и переодѣтая въ мужское платье слѣдовала съ однимъ изъ полковъ северной армии. Не будучи въ силахъ перенести всѣхъ тягостей и лишений походной жизни, она отстала отъ полка и, только благодаря помощи добрыхъ людей, ей удалось перебраться черезъ границу.

— Если вы меня возьмете съ собой, сказала она сочувственно слушавшему ее человѣку, — я буду вамъ всю жизнь благодарна; если же вы меня оставите здесь, я умру отъ холода и голода.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ.

— На плантациѣ меня называли Патіенца; какъ мужчина же я называюсь Тальбо.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю, судары!

— Но приблизительно?

— Лѣтъ шестнадцать—девятнадцать.

— Есть у тебя родные?

— Этого я тоже не знаю, судары!

Наивность и простота, съ которыми она говорила, пріятно подействовали на чувствительного и добросердечного отца семейства. Онъ приказалъ посадить ее въ свой экипажъ, не безъ труда провезъ ее черезъ страну, возбужденную противъ черныхъ, и привезъ въ Северную Америку, где жилъ самъ.

Несчастная девушка была принята очень радушно семьей человѣколюбиваго господина. Взрослая дочери его взяли на себя ея образованіе, между тѣмъ какъ мать семейства пріучала ее къ домашнему порядку и хозяйству.

Патіенца была очень понятлива и способна. Спустя короткое время, старшая дочь имѣла удовольствіе заставить прочесть свою ученицу передъ родителями и показать ея успѣхи въ ариѳметикѣ. Патіенца была глубоко признательна къ своимъ благодѣтелямъ и съ замѣчательнымъ терпѣніемъ переносила брань и пинки своей маленькой учительницы; если урокъ шелъ плохо, она обѣщала исправиться на другой разъ.

Прошло два года со времени прибытія въ домъ молодой негритянки. Въ семействѣ этомъ уже во второй разъ праздновалось рожденіе миссъ Эллы.

Торжественность дня привела Патіенцу въ сильно возбужденное состояніе. Она съ большой торжественностью поднесла своей госпожѣ подарокъ въ видѣ шелковой ленты, купленной ею на сколоченные гроши.

За ужиномъ она присѣла на корточки у стола, какъ имѣла обыкновеніе дѣлать, и съ необычайнымъ спокойствіемъ слушала о томъ, что говорилось.

— Почему ты такъ печальна, Патіенца? спросилъ ласково хозяинъ, протягивая ей со стола кусокъ пирога — и на него устремились съ безмолвной мольбой два черныхъ глаза.

— Ну что же? спросилъ онъ добродушно.

Она отрицательно покачала головой, опустила глаза въ землю и ничего не отвѣчала.

Поздно вечеромъ, когда дѣти уже спали и хозяинъ съ хозяйствомъ хотѣли уже уходить, дверь спальни тихо отворилась и вошла Патіенца.

— Масса! начала она на ломаномъ немецкомъ языкѣ, — слушайте оба о чёмъ васъ будетъ просить Патіенца. Хозяинъ дома ободрилъ ее своей улыбкой.

— Масса! воскликнула молодая девушка, падая къ ихъ ногамъ, подарите что нибудь Патіенцѣ? Патіенца такой несчастный, бѣдный человѣкъ и не имѣеть того, что имѣютъ другія дѣти.

— Что нибудь подарить? Ну что же именно?

— Масса! Всѣ дѣти это имѣютъ, Патіенца же никогда этого не получаетъ. Прошу васъ, Масса, подарите мнѣ именины, прошу васъ.

Наивная просьба была удовлетворена. Каждый годъ праздновали известный день, когда дарили Патіенцу; это конечно было то число, въ которое добродушный отецъ семейства поднялъ ее дрожащей и голодной на берегу рѣки.

Отважная поѣздка. Недавно американецъ Гильфой совершилъ замѣчательное путешествіе черезъ Тихій океанъ на маленькомъ ботѣ, вмѣстимостью въ два тонна. Цѣль поѣздки заключалась въ томъ, чтобы доставить себѣ пріятную прогулку; однако послѣдствія ея были весьма печальные свойства. Гильфой въ своемъ маленькомъ суднѣ былъ найденъ 29 января шкуной „Альбертъ Биттери“ въ 160 миляхъ отъ мыса Зонди въ состояніи вполнѣ изнеможенія вслѣдствіе голода. Онъ вѣрь во время своего путешествія дневникъ, куда заносилъ все пережитое. 19 Августа прошлаго года онъ оставилъ Санть-Франциско съ намѣреніемъ переплыть Тихій океанъ и достигнуть Австралии. Гильфой предполагалъ, что поѣздка продлится не болѣе 5 мѣсяцевъ, и на такой срокъ снабдилъ ботъ провизіей; кроме того онъ взялъ 142 галлона прѣсной воды для питья. Первую недѣлю все шло отлично; но затѣмъ начались штили

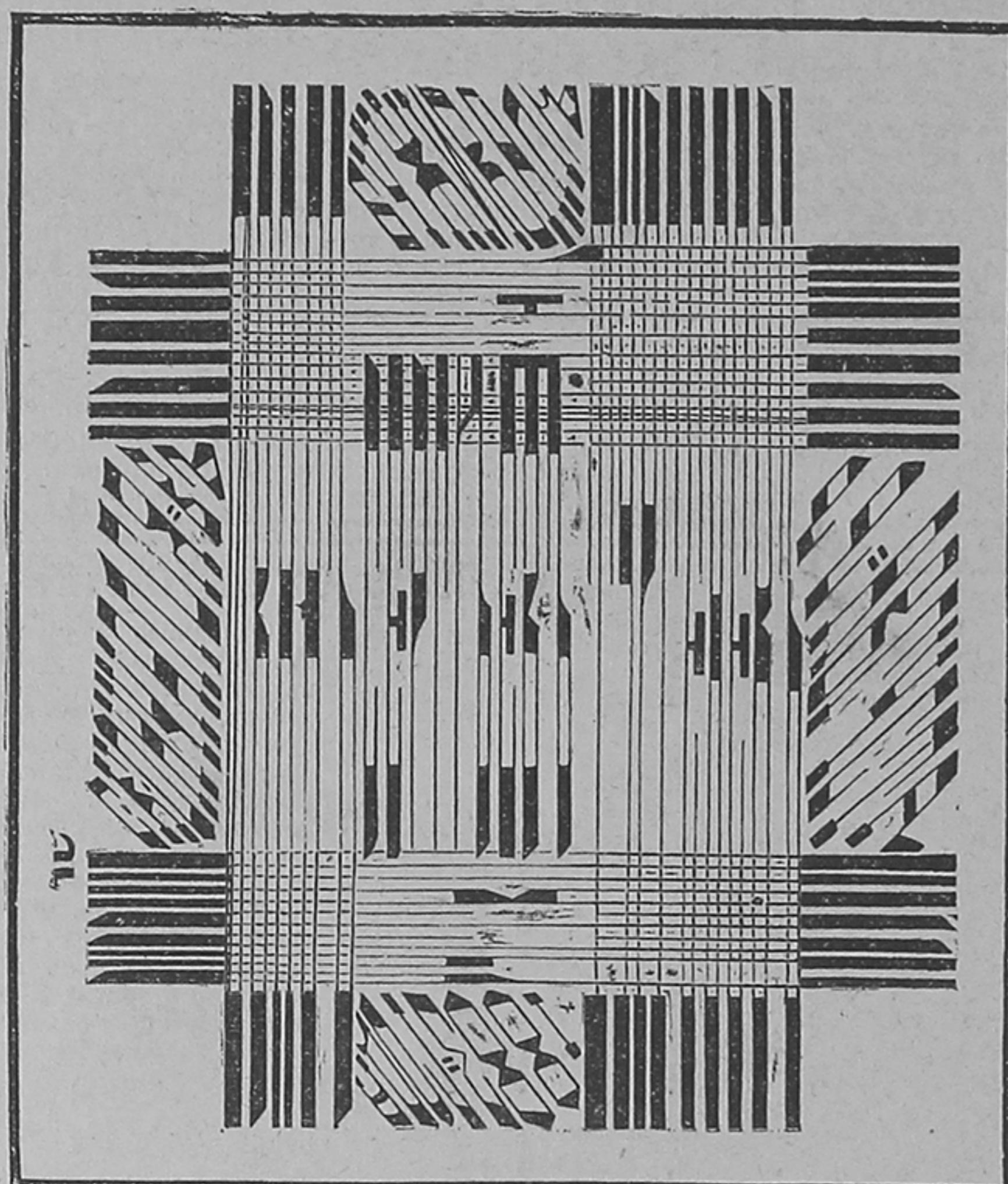
и сильные вѣтры. Такая перемѣнная погода длилась около 14 дней. 26 Сентября онъ по попутному вѣтру благополучно перешелъ экваторъ. Здѣсь снова начались штили и ботъ подвигался такъ медленно впередъ, что отважный путешественникъ нашель необходимъ сократить свой раціонъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе спать не болѣе 3—4 часовъ въ сутки, но и такой короткій сонъ былъ часто нарушенъ ударами рыбъ о ботъ. Несколько разъ акулы приближались къ боту, захватывали ртомъ мелкую рыбу и снова исчезали. Гильфой сильно опасался ихъ и старался держаться отъ нихъ на приличномъ разстояніи. Несколько изъ нихъ онъ поймалъ импровизированнымъ гарпуномъ, и акулы, почуявъ опасность, сами стали удаляться отъ бота. Чтобы не подпускать ихъ къ боту, въ то время когда Гильфою нужно было лечь спать, онъ употреблялъ слѣдующую хитрость. На томъ мѣстѣ гдѣ онъ обыкновенно наблюдалъ за движениемъ своихъ враговъ, онъ развѣшивалъ рубашку, которую акулы принимали за человѣческую фигуру и не отваживались приблизиться. 10 ноября его встрѣтилъ бригантина „Тропинъ“ и снабдилъ плодами. 9 Декабря ботъ быстро подвигался на парусахъ, но внезапно былъ настигнутъ волной и опрокинутъ. Послѣ неимовѣрныхъ усилий Гильфою удалось поднять ботъ, но онъ тотчасъ же опрокинулся во 2-й разъ. Случайно, силою волнъ, ботъ снова былъ поставленъ въ нормальное положеніе. Катастрофа эта причинила путешественнику громадныя потери: большая часть припасовъ и вода или совсѣмъ исчезли или были попорчены морской соленої водой. Гильфой находился въ это время въ 1400 миляхъ отъ мыса Зонди. Семь дней употребилъ онъ на то, чтобы привести въ порядокъ свое судно и въ то же время продолжать путешествіе. Несчастія продолжали преслѣдоватъ путешественника. Вскорѣ послѣ того мечъ-рыба пробила ударомъ ботъ, слѣдствіемъ чего явилась течь, которую Гильфой замѣтилъ только тогда, когда судно было почти все наполнено водой. Во время этого наводненія онъ едва не лишился часовъ и компаса. 7 января Гильфою удалось поймать птицу, которая прилетѣла на ботъ, а 4 дня спустя онъ поймалъ еще другую, которая какъ бы свалилась съ неба голодающему пловцу. 14 января Гильфой сѣлъ послѣдній запасъ своей провизіи, это именно два фунта соленої рыбы, которая служила ему пищей въ теченіи цѣлой недѣли. Случай помогъ ему вскорѣ поймать летающую рыбу и онъ съ жадностью сожралъ ее безъ всякой церемоніи сырью. 16 января случилось нѣчто посчастливѣе: сломался руль, но поврежденіе это вскорѣ удалось . . . 24 января онъ застрѣлилъ птицу изъ револьвера, но . . . въ состояніи достать ее изъ воды. Въ слѣдующіе ближайшіе дни ему посчастливилось опять поймать птицу, которая послужила ему продовольствіемъ на два дня. Воскресенье и понедѣльникъ онъ оставался безъ пищи; въ изнеможеніи, не заботясь о томъ какое наранправленіе примѣтъ ботъ, онъ легъ и заснулъ. Вскорѣ однако проснулся и къ удивленію своему увидѣлъ въ недалекомъ разстояніи корабль, который казалось приближался къ нему. Это былъ „Альбертъ Биттери“, который взялъ его и высадилъ на берегъ у Мариборуга, въ Австралии.

Улучшеніе въ Парижскомъ моргѣ. *Моргъ* — это зданіе, въ которомъ выставляются тѣла умершихъ неизвѣстнаго званія, поднимаемыхъ на улицѣ, утопленниковъ, самоубийцъ и пр. Въ настоящее время въ парижскомъ моргѣ трупы замораживаются и остаются въ этомъ состояніи, впередъ до окончательного относительно ихъ распоряженія. Въ особомъ аппаратѣ получаютъ для этого въ надлежащей степени низкую температуру, съ помощью быстро испаряющагося, превращеннаго предварительно въ жидкость, газообразнаго аммиака. Пріемникомъ получаемаго холода, вмѣсто воды, является растворъ хлористаго кальція, остающійся жидкимъ при температурѣ въ 20° термометра Фаренгейта. Растворъ этотъ проводится по трубкамъ на вершину зданія, откуда и падаетъ внизъ каскадомъ. Тутъ онъ вновь собирается и помѣщается въ замораживающей аппаратѣ. Такимъ образомъ, температура помѣщенія бываетъ всегда ниже точки замерзанія. Коль скоро трупы начинаютъ гнить, а между тѣмъ необходимо оставить ихъ открытыми еще на нѣкоторое время, кладутъ ихъ на рядъ небольшихъ ящиковъ, въ которыхъ, съ помощью того же аппарата, поддерживается весьма низкая температура. Замороженные до твердости камня, тѣла умершихъ могутъ очень долго оставаться въ этомъ состояніи, не подвергаясь гненію.

Военный хирургъ объ обуви. На послѣднемъ засѣданіи гигиеническаго конгресса въ Женевѣ, главный хирургъ союзной арміи, полковникъ Циглеръ, прочелъ рефератъ о вредныхъ послѣдствіяхъ дурно-спитой обуви, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія гигиены и походныхъ силъ солдата. Полковникъ Циглеръ упоминаетъ, что хирурги-приемщики ежегодно освобождаются отъ службы въ Швейцаріи 800 человѣкъ — цѣлый батальонъ — по причинѣ изуродованія ногъ, какъ послѣдствія ношенія несоответствующей обуви. Отъ природы нога отличается большой гибкостью и эластичностью, но подъ вліяніемъ дурной обуви, сильно измѣняется какъ форма ея, такъ и свойства. Въ этомъ отношеніи много терпѣть большой палецъ, подвергающійся черезъ это зачастую различными, болѣе или менѣе серьезными, заболѣваніями, иногда настоящими воспаленіями суставовъ. Затѣмъ, по словамъ швейцарскаго хирурга, эти и иные вредные послѣдствія могутъ быть прекрасно устранены надлежащимъ приготовленіемъ обуви, которая должна вполнѣ соответствовать ногѣ, быть достаточно просторной и не измѣнять насилиственно естественное положеніе различныхъ частей. Все дѣло, слѣдовательно, въ модѣ, къ сожалѣнію, такъ часто противорѣчащей природѣ, вкусу, естественному понятію красоты. Пора бы ей измѣниться.

Задача № 50.

Въ этихъ чертакъ требуется найти цѣлую фразу, указывающую на одно недавнее событіе.

Задача № 51.

Раздѣлить данный квадратъ на четыре части и сложить находящіяся въ каждой части числа. Корни квадратные полученныхъ четырехъ суммъ должны соотвѣтствовать числамъ, обозначающимъ мѣста буквъ, въ русской азбукѣ, одного слова, состоящаго изъ четырехъ буквъ.

Какъ долженъ быть раздѣленъ данный квадратъ и какое это слово?

Рѣшеніе задачи магического квадрата № 41.

б	а	г	а	м	а
а	р	а	р	а	т
г	а	з	е	т	а
а	р	е	т	и	н
м	а	т	и	ц	а
а	т	а	н	а	т

СОДЕРЖАНИЕ: Никодимъ, патрархъ Єрусалимскій (съ портр.).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣній). Исторический романъ Всеволода Соловьева. Часть вторая. Главы XI и XII.—Полковникъ изъ Золотоноши. Историческая повѣсть А. Н. Кирилова. (Продолженіе).—Какъ уничтожить трихину? Очеркъ.—Атмосферная пыль. Очеркъ.—Кто—кого? (съ рис.).—Послѣ бури (съ рис.).—Пѣсня про купца Калашникова. Лермонтова (съ рис.).—Проклятие пѣвца. Баллада Уланда (съ рис.).—Графъ Габсбургскій. Баллада Шиллера (съ рис.).—Бальзамированіе труповъ въ Египтѣ (съ 2 рис.).—И. С. Тургеневъ на смертномъ одрѣ (рисунокъ).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Выставка роялей фабрики Я. БЕККЕРА

Поставщика Его Величества.
Казанская Площадь, № 18—27
въ С.-Петербургѣ.

№ 2803 16—2

M. № 2758 12—9

Вышло изъ печати и поступило въ продажу: Необходимое руководство для изученія совѣтского пѣнія — 40 ДВУХГОЛОСНЫХЪ УПРАЖНЕНИЙ (Сольфеджій) для пѣнія съ аккомпанементомъ фортепіано, собранныя, дополненные и изданныя подъ редакцію Ф. Ф. ШПЕЙЕРА, преподавателя пѣнія Императорскаго Николаевскаго—Усачевско—Черниавскаго женскаго училища и друг. учебныхъ заведеній. Цѣна 1 руб. 50 к. При покупкѣ 10 экземпляровъ дѣлается уступка 20%, 20 и болѣе экземпляровъ дѣлается уступка 25%. Складъ изданія въ музыкальномъ магазинѣ А. Гутхайль, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Юнкеръ, № 10-й. Тутъ же продается: СБОРНИКЪ ХОРОВЪ (преимущественно русскія пѣсни) аранжированные для среднє—учебныхъ заведеній Ф. Ф. ШПЕЙЕРЪ. Выпускъ 1-й для однородныхъ голосовъ, цѣна 60 коп.; выпускъ 2-й для смѣшанныхъ голосовъ—75 коп. П. № 2817 1—1

Продается отлично устроенная аптека, съ хорошимъ запасомъ медикаментовъ и паровымъ аппаратомъ, имѣющая годового оборота болѣе 2700 р., за 4500 руб., безъ уступки, и не иначе, какъ за наличныя деньги. Желающаго купить таковую, пріглашаю для ознакомленія съ дѣломъ, пріѣть ко мнѣ, предварительно уведомивъ меня письмомъ. Адресоваться: въ село Ижевское, Сибирскаго уѣзда, Рязанской губ., къ Аптекарю И. Ф. Шиннелдеру. № 2816 1—1

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
В. В. ЛЕПЕХИНА
(СПБ. въ зданіи Городской Думы № 5)
поступила въ продажу книга
ДАМСКІЙ СБОРНИКЪ

Настольная книга для
ДАМЪ И ДѢВІЦЪ

А. К. БУРИНСКОЙ.

Содержаніе: 1) Туалетъ и его тайны. 2) Искусство причесывать голову. 3) Гардеробъ. 4) Домоводство. 5) Цвѣтоводство. 6) Кухня и клаудовая (400 рецептовъ). 7) Рукодѣлія. 8) Музыка, пѣсни и танцы. 9) Свѣтская жизнь—правила и советы на всѣ случаи жизни общественной и семейной. 10) Уходъ за дѣтьми. Приложение: 1) Складываніе салфетокъ. 2) Ноты.

Большой томъ на глазированной бумагѣ, въ 469 стр. убористой печати, съ 207 рисунками.

Цѣна въ бум. оберткѣ 3 р. 50 к.; въ роскошномъ переплѣтѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 р. 50 к.

Высыпающіе изъ магазина В. В. Лепехина за пересылку не прилагаются.

Приступая къ изданію этой книги, говорить Г-жа Буринская, въ своемъ предисловіи, «я имѣла въ виду предложить русскимъ читательницамъ по возможности полную, настольную справочную книгу, въ которой бы каждая дѣвіца или дама могла найти отвѣты по всѣмъ интересующимъ ее вопросамъ, касающимися обыденной жизни женщины. Такого рода книги имѣются въ изобилии на каждомъ изъ иностранныхъ европейскихъ языкахъ и только на русскомъ языкѣ не было издано до этого времени ничего подобного.

№ 2814 1—1

ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ
ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 Г.

Иллюстрированный Журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700 художественно—выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьевъ — „Вольтеръянецъ“, больш. романъ Іокая — „Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морскаго) — „Подъ землею“, пов. Авсѣнко — „Испанскій дворянинъ“ и др. произвед современн. беллетристонъ, а также много статей популярно—научнаго содержанія по естествоизнанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того **бесплатная ПРЕМИЯ**: большая олеографическая картина проф. Ими. Акад. Худ. В. И. Якобія — „ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн.	4 р. — к.	Въ каленк. пер.	5 р. 50 к.
Съ пересылкою	6 „ — „	Съ пересылкою	7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбирование, исполнение всѣхъ зубныхъ операций, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантировано на много лѣтъ. Цѣны умѣренны. № 1908

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть В. И. Кельтіса, съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 1 р. 50 к.

1-го сентября вышла 9-я тетрадь музыкального журнала

„НУВЕЛЛИСТЪ“.

Содержаніе: 1) Moszkowsky Miniatures. 2) Henselt chant de printemps. 3) Шиннелдеръ, Шлагбаумъ. 4) Popp, Danse hongroise. 5) Hitz, En valque. 6) Артемьевъ, Кошечка полька. 7) Мейеръ, Кокетка мазурка. 8) Денца, Жалоба, романъ.

Музыкально—театральная газета.
Подписаніе продолжается. Невскій № 10. № 2815 1—1

Издание А. Ф. Маркса.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воспареніе Елизаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. перес. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ВАЖНО ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ.

въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, № 17 и 18 и въ Москвѣ, Петровка, д. № 5, продаются, между прочими, слѣдующія книги, принятныя какъ руководства въ университетахъ:

ГЕГЕНБАУЕРЪ.
ОСНОВАНІЯ
СРАВНІТЕЛЬНОЙ
АНАТОМИИ.

Перев. съ нѣм. А. Герда.
I т. въ 8 д. л., съ 198 ри-
сунками въ текстѣ.
Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

И ВАШКОВСКІЙ,
профессоръ Московскаго Университета.
Полный русско-латинский словарь,
удостоенный импер. Академ. науки Демидовской премии.
4 тома въ 8 д. л. Цѣна 6 р., съ перес. 7 р. 50 к.

АНДРЕЕВСКІЙ.
РУССКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ПРАВО.
Томъ I.

0 правительствъ.
I т. въ 8 д. л. Цѣна 3 р., съ
перес. 3 р. 50 к.

МИЛЛЬ.
Джонъ-Стюартъ.
СИСТЕМА
ЛОГИКИ.

Перев. съ англійскаго и съ
примѣчаніями Ф. Резенера.
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.
2 тома въ 8 д. л. Цѣна 7 р.
50 к., съ пер. 8 р. 25 к.

БОКЪ.
Анатомическій
АТЛАСЪ
ТѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО,
состоящій изъ 48 раскры-
шенныхъ таблицъ, гравиро-
ванныхъ на стали. Пере-
водъ съ нѣмец. Гейца, съ
прибавлен. объясненіемъ тек-
ста. Третье русское изда-
ніе въ листѣ. Цѣна 12 р.,
съ перес. 14 р.

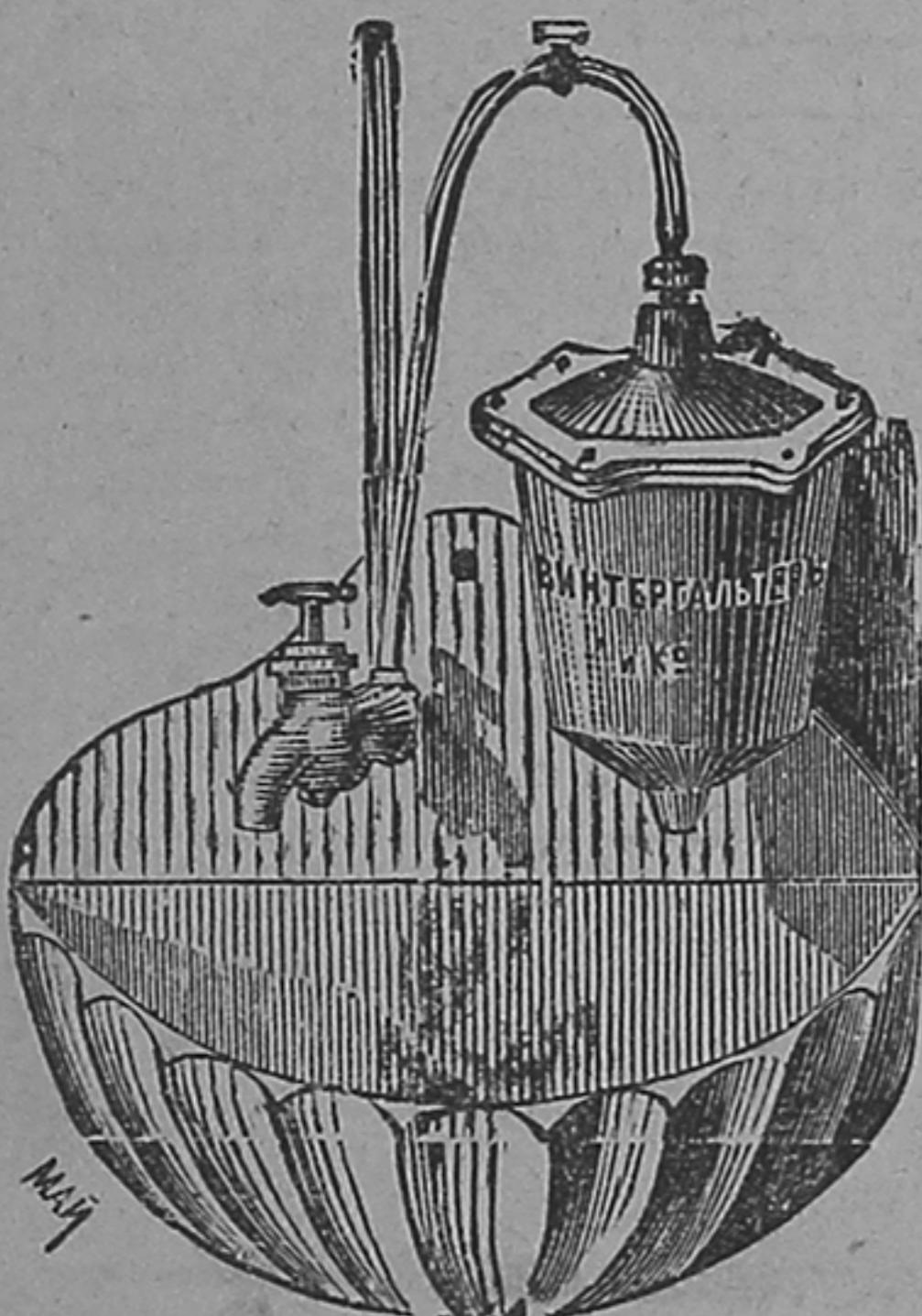
ФЮСТЕЛЬ-
КУЛАНЖЪ.
ДРЕВНЕЕ
ОБЩЕСТВО.

Обзоръ вѣковъ, правъ
и учрежденій Греции и Ри-
ма. Перев. съ франц. 2 то-
ма въ 16 д. л. Цѣна 2 р.,
съ пер. 2 р. 50 к.

МОЛЬ.
ЭНЦИКЛОПЕДІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ
НАУКЪ.

Переводъ А. ПОПОВА.
I т. въ 8 д. л. Цѣна 4 р., съ
пер. 4 р. 50 к.

ФИЛЬТРЫ
для водопроводовъ.

ГОДОВОЙ АБОНЕМЕНТЪ 6 рублей.

УСТАНОВКА БЕСПЛАТНО.

Въ складѣ воздушныхъ и электрич. звонковъ

ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и Комп.,
у Казанск. моста, по кан., № 12. № 2579

САПОНАТЬ.

Мыло въ кускахъ и порошкѣ, для стирки бѣлая, цветныхъ матерій и кружевъ холдо-
ною (комнатной) водою. Стирка обходится вдвое дешевле. Кусокъ на 1/2 п. сух. бѣлы 20 к. Продается въ складѣ производства: тор-
говый домъ Ф. Стульгинскій и Комп., Коло-
менская улица, д. 31; у гр. Штолъ и Шмитъ въ Русск. Общ. Въ Москвѣ, Варшавѣ, Харь-
ковѣ и друг. гор.

№ 2765 4-4

ДЛЯ ПОДАРКОВЪ
ХОЗЯЙСТВА И ПРИДАНАГО
"AU VON MARCHÉ"
34. Б: МОРСКАЯ Д: ШТАНГЕ 34.

ПРЕДЛАГАЕТЪ ВЪ БОЛЬШОМЪ
ВЫБОРѣ СТОЛ: И ЧАЙНЫЕ
СЕРВИЗЫ, ХРУСТАЛЬ, ФАРФОРЪ,
МЕЛЬХОРЪ. САМОВАРЫ И КОФЕЙН:
НА СПИРТУ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ.
МѢДНАЯ И ЭМАЛИРОВ.:
ПОСУДА ДЛЯ КУХНИ, ВАННЫ
БИДЕ КЛОЗЕТЫ И ПР:
ВЪДЕШЕВИЗНЬ И ИЗЯЩНОСТИ
ПРОСЯТЬ УБѢДИТЬСЯ.

А. № 2807 1-1

по случаю увеличения торговли
ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана,
въ С.-Петербургѣ, переведено
изъ дома № 42, въ домъ № 36, по Большой
Морской ул.

Дешевая продажа скрипокъ, альто, виолончелей,
контрабасовъ, смычковъ, цитръ, гитаръ, мандолинъ,
струнъ, пианинъ, корнетъ-а-пистонъ, трубъ, тром-
боновъ, басовъ, флейтъ, кларнетовъ, барабановъ,
литавръ, треугольниковъ, бубенъ, концертинъ, гар-
моній, музы. ящиковъ, шарманокъ, органовъ, фис-
гармоній, гармонифлютъ, всѣхъ принадлежностей
и школъ для всѣхъ инструментовъ.

Иллюстрированный прейс-курантъ бесплатно.
Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и
аккуратно.

А. № 2819 6-1

!!! до 80% УСТУПКИ !!!

Наслѣдники натуральныхъ
антарныхъ коней, прежде при-
надлежавшихъ покойному Ка-
расину, имѣютъ честь объяв-
ить гг. покупателямъ, что
они, вслѣдствіе открытия въ
своихъ коняхъ огромнаго ко-
личества янтаря, понижаютъ
его цѣну до 80%, смотря по
величинѣ. Этими баснословно
дешевыми цѣнами надѣются
они возобновить славу насто-
ящаго янтаря, значительно
павшую въ послѣднее время,
по случаю ничтожныхъ и вред-
ящихъ здоровью подѣлокъ.

Цѣны

мундштуковъ для папиросъ
изъ настоящаго, натуральна-
го янтаря, съ гарантіей не-
поддельности,

въ изящныхъ футлярахъ:
№ велич. прежняя теперь
сантиметр. цѣна. только
1 10 12 р. 4 р. — к.
2 9 11 " 3 " 25 "
3 8 9 " 2 " 80 "
4 7 8 " 2 " 55 "
5 6 7 " 1 " 80 "

Обязуемся въ продолженіи
4-хъ недѣль со дnia этого объ-
явленія не повышать выше-
означенную цѣну.

Натуральная величина янтарного мунд-
штука 7 сант. Заказы просимъ доставлять
нашему представителю

Г-ну Н. КАШИНУ,

Москва, Ольховцы, домъ Алексеева.

Гг. иногородныхъ просить прилагать на
почтовый расходъ. Пересылка производится
по полученіи денегъ. Ц. № 2812 1-1

Линовальныя тетради

въ 3 хороши. сортапо 36, 40, 70 и 80 кон.
за 10 штукъ; 3, 3½ 7 и 8 руб. за 100
шт.; 28, 30½, 30½, 68 и 78 р. за 1000
и дороже, продаются Левенштейнская
Рижская мастерская тетради для школъ,
переплетная и скоролиновальная. С.-Пе-
тербургъ, Гороховая ул., 39, кв. 3 паради.,
между Каменнымъ мостомъ и Б. Садовой.
Тутъ же учать линовать на линоваль-
ной машинѣ собственной конструкціи.
М. № 2791 7-5

MARYA MATUSZEWSKA

PRZETOŻONA PENSYI ŹEŃSKIEJ
LESZNO, № 28 М. № 2799
zawiadamia, ze zapis uzenic już sie roz-
poczal, a lekcyje zaczynaja sie 1 wrzesnia.

ГИСГЮБЛЕРЪ МАТТОНИ.
ЧИСТЬШАЯ ЩЕЛОЧНО-КИСЛАЯ ВОДА,
ЛУЧШИЙ СТОЛОВЫЙ И ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ НАПИТОКЪ,
испытанный при кашлѣ, горловыхъ болѣзняхъ и при катарахъ же-
лудка и мочеваго пузыря.
ПАСТИЛИ для пищеваренія.
ГЕНРИХЪ МАТТОНИ (Карльсбадъ).
Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
СКЛАДЫ: у АLEXANDRA ВЕНЦЕЛЯ, въ С.-Петербургѣ, Казанская, 3.
у Л. КРЕНИГЪ и К°, въ Москвѣ, Петровка, д. Матвеевъ.
Р. № 2625 10-10

ФРАНЦУЗСКАЯ РОМАШКА БУРЕЛЬ
моментально истребляетъ всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ, какъ-то: тара-
кановъ, пруссаковъ, клоповъ, блохъ, муравьевъ и т. п. Продается во
всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Цѣна за коробку 75 к. Въ
Москвѣ: Дено у Гетлингъ и Штокманъ, на Петровкѣ и Лютеръ и Гирш-
фельдъ, на Мясницкой, въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ Обществѣ тор-
говли аптекарскими товарами.

Ц. № 2811 3-1

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО
А. В. ЭБЕРГЪ.
ПОСТАВЩИКА ДВОРА

Его Императорскаго Величества.
Рояли и піанино не уступаютъ
лучшимъ заграничн. фирмамъ.
МАГАЗИНЪ у Арбатскихъ воротъ, д.
Шмитъ, ФАБРИКА у Горбатого моста.
Фирма существуетъ съ 1852 года.
Ц. № 2773 10-6

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подписчиковъ (за искл. московскихъ) объявление отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 15 сентября 1883 г.

Тип. А. Ф. Маркса, Прачечн. пер., № 5.

Издание А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.